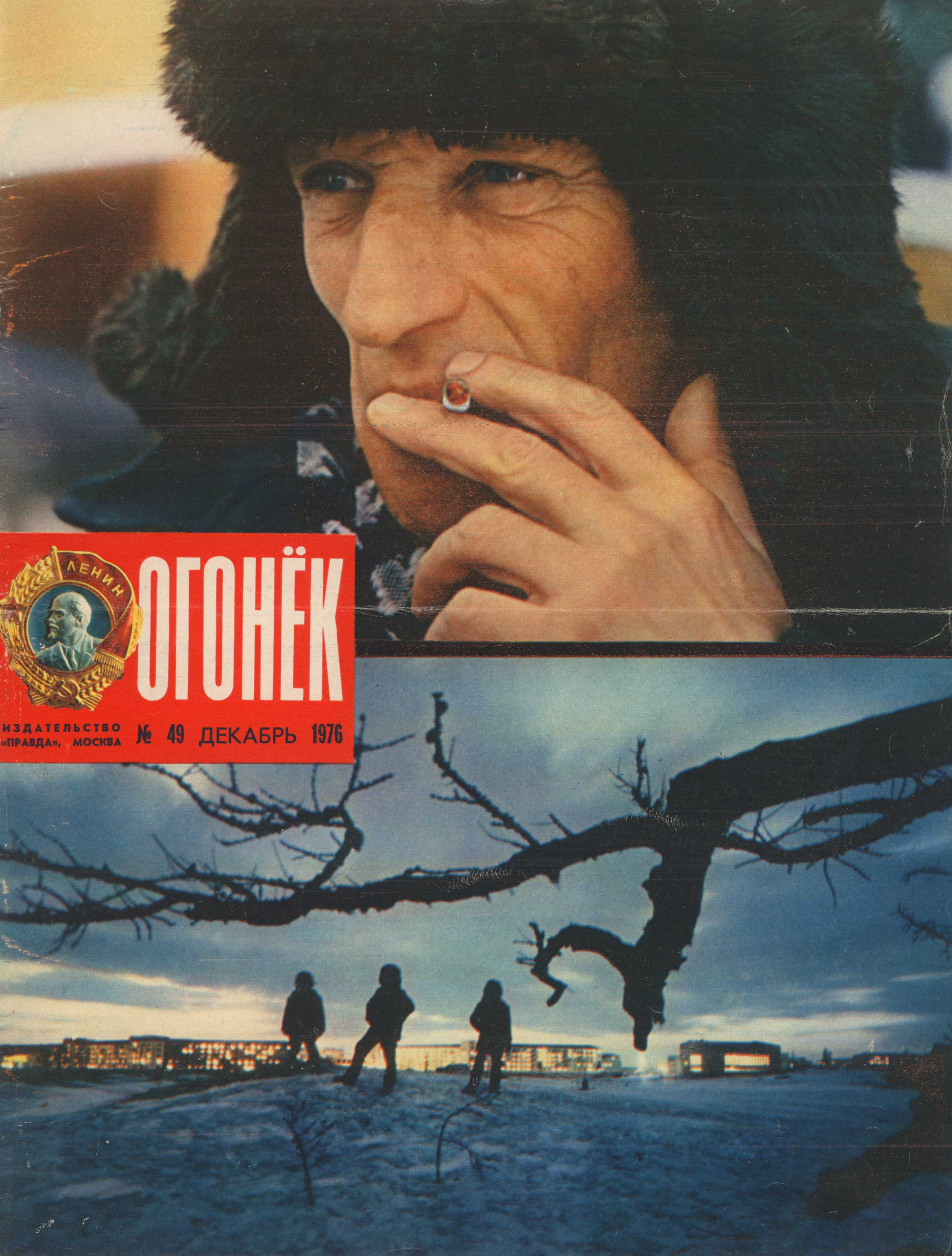

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 49 ДЕКАБРЬ 1976

Главы делегаций государств — участников Варшавского Договора по окончании совещания Политического консультативного комитета.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2578)

4 ДЕКАБРЯ 1976

◀ Подписание Декларации государств — участников Варшавского Договора Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

ВО ИМЯ МИРА

Социализм и мир неразделимы. Новым ярким свидетельством этого стало состоявшееся 25—26 ноября 1976 года в Бухаресте совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В совещании приняли участие делегации Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым; Венгерской Народной Республики во главе с Первым

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Москва. 26 ноября. Встреча на Внуковском аэродроме.

секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадаром; Германской Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером; Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Э. Гереком; Социалистической Республики Румынии во главе с Генеральным секретарем Румынской коммунистической партии, Президентом СРР Н. Чаушеску; Союза Советских Социалистических Республик во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежневым; Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

В обстановке полного взаимопонимания и братской дружбы на совещании были обсуждены актуальные вопросы дальнейшей борьбы за мир и углубление разрядки международной напряженности, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе. Единодушно принята декларация «За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе».

Участники совещания приняли обращение ко всем государствам, подписавшим Заключительный акт общеевропейского совещания, с призывом взять обязательство не применять первыми ядерного оружия друг против друга. Представлен проект соответствующего договора, заключение которого серьезно содействовало бы росту международной безопасности и доверия. Выдвинуты другие конкретные предложения, которые служат интересам упрочения мира.

Совещание приняло решение создать в качестве органов ПКК комитет министров иностранных дел и объединенный секретариат.

●

Фото В. Мусаэльяна, В. Соболева, специальных корреспондентов ТАСС, и А. Гостева.

Вручение ордена Л. И. Брежневу.

СОТРУДНИЧЕСТВО КРЕПНЕТ

Во время подписания документа.

24 ноября завершился дружественный визит в Социалистическую Республику Румынию Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева по приглашению Генерального секретаря РКП, Президента СРР товарища Н. Чаушеску.

Встречи и переговоры на высшем уровне в Бухаресте явились важным шагом по пути дальнейшего упрочения братского сотрудничества между КПСС и РКП, дружбы народов двух стран.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску подписали советско-румынское «Заявление о дальнейшем развитии сотрудничества и братской дружбы между КПСС и РКП, Советским Союзом и Румынией».

24 ноября Генеральный секретарь РКП, Президент СРР товарищ Н. Чаушеску вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу высший орден — «Звезду Социалистической Республики Румынии» первой степени с лентой.

Как указывается в декрете Президента СРР, Генеральный секретарь ЦК КПСС награжден этим орденом по случаю семидесятилетия и за особый вклад, внесенный в развитие дружбы и сотрудничества между РКП и КПСС, между румынским и советским народами.

В тот же день в Бухаресте состоялся многотысячный митинг советско-румынской дружбы. Встреченные бурными, продолжительными аплодисментами, с речами выступили товарищи Н. Чаушеску и Л. И. Брежнев.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в братскую Румынию оценен мировой общественностью как новый вклад в углубление интернационального сотрудничества, усиление мощи и единства мировой социалистической системы.

26 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев возвратился из Бухареста в Москву.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Москву прибыли член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член ЦК КПСС, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР, товарища Л. И. Брежнева, других советских товарищей встречали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, другие официальные лица.

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Во время встречи. **Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)**

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства Президент Республики Венесуэла Карлос Андрес Перес с супругой с 24 по 27 ноября 1976 года находился с официальным визитом в СССР.

27 ноября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Республики Венесуэла К. А. Пересом. В беседе, прошедшей в дружественной обстановке, Л. И. Брежнев и К. А. Перес выразили намерение способствовать дальнейшему развитию отношений между СССР и Республикой Венесуэла в различных областях, представляющих взаимный интерес. В беседе приняли участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Венесуэлы Рамон Эсковар.

Президент Венесуэлы К. А. Перес имел встречи и беседы с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым и Президентом Венесуэлы К. А. Пересом состоялись переговоры.

Беседы и переговоры проходили в атмосфере сердечности. Было проявлено желание расширять дружественные связи между двумя странами.

Во время визита было подписано основное соглашение об экономическом и промышленном сотрудничестве, которое подтверждает желание обоих правительств расширять сотрудничество в этих областях.

ВЕЛИКОЕ БРАТСТВО НАРОДОВ

Валентин **АЛЕКСАНДРОВ**

В океане международных отношений самые надежные маршруты прокладывают корабли социалистической внешней политики. Соединяя братские страны, они ориентируются на такие яркие маяки, как принципы интернационализма, взаимной помощи и поддержки, уважения и невмешательства в дела друг друга, солидарности в борьбе за общие цели.

Взаимоотношения стран социализма — политические, экономические, идеологические или касающиеся обороны — развиваются на двусторонней и многосторонней основе. Дополняя друг друга, эти связи создают чрезвычайно прочную международную структуру — мировое социалистическое содружество.

Нынешний год был особенно плодотворным для углубления сотрудничества стран социализма. И если в первом полугодии вершиной политического взаимодействия стало участие высших партийных руководителей в XXV съезде КПСС и съездах других братских партий, то второе ознаменовалось двусторонними переговорами, проходившими в столицах европейских социалистических стран, и, наконец, очередным совещанием Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Понятен тот огромный интерес, с которым были восприняты повсюду в мире проходившие в октябре — ноябре встречи Л. И. Брежнева и других советских руководителей с монгольской партийно-правительственной делегацией во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом, встреча с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, переговоры с польской партийно-государственной делегацией во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, встречи на югославской земле с Президентом СФРЮ, Председателем СКЮ И. Броз Тито, переговоры в Бухаресте с Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску.

Эти встречи еще и еще раз продемонстрировали прочность братских связей социалистических стран, чистосердечность их дружеских отношений, искренность и доверие, которые объединяют народы, идущие путем социализма.

Весенней яркостью красок были полны этой осенью Белград и Бухарест. По велению сердца сотни тысяч людей приняли участие в манифестации глубокого уважения к родине Октября, партии Ленина, высоким гостям из Советского Союза.

Теплые встречи, оказанные Генеральному секретарю ЦК КПСС, вызвали эхо доброжелательных откликов во всем социалистическом содружестве. Рухнули выдумки буржуазных писак о «трудностях» социалистических взаимоотношений.

В июле этого года состоялась XXX сессия Совета Экономической Взаимопомощи. В ее повестке было обсуждение таких масштабных задач, как разработка генеральной схемы перспективного развития объединенной энергетической системы, долгосрочных целевых программ сотрудничества.

Разностороннее братское взаимодействие в хозяйственной области создает своеобразную стартовую базу, с которой социалистические страны совместно идут на штурм неба. Как было согласовано в сентябре этого года, представители всех стран — участниц программы «Интеркосмос» примут участие в полетах на советских космических кораблях.

Политика, подчеркивал В. И. Ленин, есть концентрированное выражение экономики. Концентрацией многостороннего политического сотрудничества в рамках мирового социализма стало созванное в Бухаресте совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

На счету у Варшавского Договора немало добрых дел, способствующих превращению Европы в континент мира и сотрудничества.

По инициативе социалистических стран родился коллективный призыв провести общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству. Это было почти 12 лет назад, в январе 1965 года. Эта инициатива на десятилетия вперед определила политический климат в Европе.

Собравшись в Бухаресте в конце прошлого месяца, руководители стран Варшавского Договора подтвердили непреклонную решимость неукоснительно соблюдать и проводить в жизнь все положения Заключительного акта совещания в Хельсинки и выступили с новым предложением, призвав все государства, подписавшие Заключительный акт, подписать договор о том, чтобы не применять первыми ядерного оружия.

События нынешнего года, как и многих предыдущих лет, показывают, какой огромный вклад в укрепление братского сотрудничества стран социализма, утверждение атмосферы доверия, дружбы и согласия, интернациональной солидарности и классовой сплоченности вносит КПСС и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

С гордостью за Советскую Родину, за Коммунистическую партию Советского Союза воспринимают советские люди результаты встреч и переговоров с руководителями братских стран, ибо каждая такая встреча знаменует новый шаг по пути создания великого коммунистического братства народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Они служат в Революционных вооруженных силах Кубы.

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИИ

Леопольдо ФОРМОСО

Вот уже двадцать лет уверенно стоят на страже завоеваний кубинской революции вооруженные силы республики. Они по праву гордятся своей историей, начавшейся два десятилетия назад, когда 82 повстанца-революционера под руководством Ф. Кастро высадились с легендарной «Гранмы» у восточных берегов Кубы.

Боевая мощь наших вооруженных сил не раз была проверена за последние годы. В своем докладе на I съезде Коммунистической партии Кубы Первый секретарь ЦК КП Кубы, премьер-министр Революционного правительства Фидель Кастро назвал вооруженные силы гордостью народа и партии.

Личный состав РВС успешно участвует и в созидательном труде, укрепляя экономическую мощь республики. Воины, объединившись с «молодежной колонной столетия», образовали в августе 1973 года «молодежную армию труда», которая внесла существенный вклад в развитие экономики страны, особенно в сахарной промышленности.

Большую работу в Революционных вооруженных силах проводит Коммунистическая партия Кубы. Неуклонно повышается уровень идеологической подготовки воинов, овладевающих марксистско-ленинской теорией. Это отметил второй секретарь ЦК КП Кубы, министр Революционных вооруженных сил Кубы Рауль Кастро в своем выступлении на I съезде кубинских коммунистов.

С каждым днем крепнет моральный и боевой дух армии. Вооруженные силы Кубы с честью выполнили свой интернациональный долг, оказав братскую помощь борцам за независимость Анголы.

Солдаты и офицеры РВС воспитываются в духе дружбы с армиями других стран социализма, особенно с Вооруженными Силами Советского Союза. Советские специалисты помогали обучать личный состав наших вооруженных сил. Куба благодарна государству, предоставившему нам оружие в трудные для революции дни.

Из горстки людей, оставшихся в живых после высадки с «Гранмы», из повстанческих отрядов выросла революционная армия, которая еще на Плайя-Хирон доказала свою способность отстоять завоевания революции.

Агентство Пренса Латина

Фото из журнала «Верде оливо».

---

2 ДЕКАБРЯ —
ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
ЛАОССКОЙ НАРОДНО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

ЗОРИ ЛАОСА

Вьентьян, лаосская столица, даже по меркам реактивной авиации отнюдь не близко от Москвы. Примерно тринадцать тысяч километров самолеты Аэрофлота пересекают сейчас два раза в неделю. Советские газеты приходят с опозданием на три-четыре дня. С особенным интересом ждал я их 1 ноября нынешнего года. Накануне лаосский журналист Ананда говорил мне о передаче Московским радио речи Л. И. Брежнева на Пленуме Центрального Комитета КПСС. «В этой речи есть очень важные слова о моей родине»,— сказал лаосский коллега.

И вот вместе читаем слова Генерального секретаря ЦК КПСС: «Думаю, товарищи, мы имеем все основания сказать, что в лице Лаоса семья социалистических государств пополняется еще одним новым членом».

Год назад, 2 декабря 1975 года, Национальный конгресс народных представителей принял решение упразднить монархию и провозгласить Лаосскую Народно-Демократическую Республику. Этим завершилась в стране национально-демократическая революция, явившаяся результатом многолетней борьбы народа под руководством марксистско-ленинской Народно-революционной партии Лаоса.

Год в жизни любой страны — срок мимолетный. Но как далеко шагнула молодая республика! Подавлено сопротивление реакции, местных феодалов и компрадорской буржуазии, связавших свою судьбу с иностранным империалистическим вмешательством. Политические позиции народной власти сейчас как никогда прочны. Стабилизируется постепенно и экономическое положение. Созданный Национальный банк уверенно контролирует деятельность смешанных государственно-частных и частных предприятий. Банк стал надежным инструментом проведения политической линии партии и народа в деле радикальных социальных преобразований. С помощью братских стран и прежде всего Советского Союза и Вьетнама уже положено начало созданию той материально-технической базы, на которой будет основываться государственный сектор.

Сейчас по всей стране развертывается патриотическое движение за быстрейшее восстановление производственной мощности предприятий, брошенных бежавшими из страны владельцами. В сельской местности создаются бригады взаимопомощи — первая ступень к коллективизации. Снабженческие кооперативы, государственные лавки и столовые все больше теснят частника. Введен строгий контроль за внешней торговлей, что лишило буржуазию важного влияния на экономическую жизнь. Страна, совсем еще недавно ввозившая продовольствие, много сделала, чтобы обеспечить себя продуктами питания.

Конечно, на пути к социализму у молодого государства немало трудностей. Еще не сложила оружия ушедшая в подполье или бежавшая в Таиланд реакция, которую поддерживает международный империализм.

Нет сомнения, что лаосский народ под руководством Народно-революционной партии преодолеет все препятствия на пути к социализму.

Большим событием в жизни лаосского народа стала поездка партийно-правительственной делегации ЛНДР во главе с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министром Кейсоном Фомвиханом в СССР, Вьетнам, на Кубу, в Чехословакию, Румынию, Болгарию, Венгрию, Польшу и Монголию. В ходе этих визитов подписан ряд соглашений, которые еще более укрепят политические, экономические и культурные связи Лаоса с социалистическим содружеством. ЛНДР, молодое независимое государство Индокитая, вместе с Вьетнамом выступает за мир, национальную независимость и социальный прогресс в Юго-Восточной Азии.

В. СКВОРЦОВ,
собкор «Правды»
Специально для «Огонька»
(по телефону)

Вьентьян накануне праздника.

Фото А. Стужина (ТАСС).

ПОСТОЯНСТВО

Фазу АЛИЕВА

ГОРЯНКА

Как будто глыба
Породы горной,
Я постоянство
Собой являю.
И вы легко бы
На расстоянье
Узнать могли бы
Во мне горянку.
На расстоянье
На вас повеет
Каленым ветром,
Соленым морем,
Вершинным снегом,
И жаром солнца,
И жаром жизни —
Кизячным дымом
От очага.

ЯЧМЕННОЕ ПОЛЕ

Люблю я поле ячменя,
Когда средь солнечного дня
Колосья вольно созревают
И, зерна до поры храня,
Воинственные острия
Упрямо держат наготове.

Природа даром ли мудра?
Затвердевает вкруг ядра
За оболочкой оболочка,
Чтоб тайна хлебного нутра
Хранилась до того утра,
В какое станет откровеньем.

Бывало, в молодости я,
Судьбу пытая и дразня,
Срывать любила оболочки
С молочных зерен ячменя,
Но на ладони у меня
Лишь капли белые светились.

Ошибкам подведя итог,
Теперь я знаю: нужен срок,
Чтоб стало тайное тем явным,
Которое приносит прок.
Сорви-ка зрелый колосок
И зерна раздавить попробуй!

Не хватит силы никакой,
Чтобы зерно размять рукой,—
Лишь жерновам оно подвластно.

Становится зерно мукой,
Как мысль становится строкой
Меж жерновами нашей жизни.

НЕЗАМЕРЗАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Озеро вблизи аула нашего
Стиснуто горами и всегда
Кажется мне голубою чашею,
Где вода, как память, молода.

Днем здесь шумно детвора купается,
Кони и коровы воду пьют,
Ну а я, когда в горах смеркается,
Посидеть люблю тихонько тут.

И порой сижу до часа позднего:
Озеро становится в тиши
Зеркалом блестящим неба звездного
Да и зеркалом моей души.

Как на темно-синей гладкой скатерти,
На спокойном зеркале воды
Золотятся звезды, словно памяти
Сладкие и горькие плоды.

Трудно тебе, озеро, наверное,
Никогда зимой не замерзать,
Круглый год былое непомерное
Сохранять и звездами мерцать.

И во мне былое не остудится!
Озеро, я помню как сейчас,
Как мужчины в первый грозный час
Шли сюда крутой аульской улицей
Напоить коней в последний раз.

Женщины платки бесслезно комкали...
Что спросить с детей военных лет?
Весело махали мы ручонками
И джигитам и коням вослед.

Ничего еще души не саднило,
Лилии на озере цвели.
...Возвратился мало кто из всадников,
Ну а кони вовсе не пришли.

Днем здесь визг детей, и шум бульдозера,
И скотина, а в тиши ночной
Мне всегда выплескивает озеро
Первый день, разбуженный войной.

●

Кто знает, как это бывает,
Когда звезда горит светло,
Блестя, как конское седло,—
Меня ли ремесло терзает
Иль я терзаю ремесло?

Тут больше строчек иль морщинок,
Тетрадь иль я бледней лицом?
Идет смертельный поединок
Между твореньем и творцом.

И только опытное время
Нас разведет, рассудит нас...
А ночь летит, словно Пегас,
Блестит седло, мерцает стремя,
И розовеет конский глаз.

СИНЯЯ СПИРАЛЬ

Ты моей надежде
Путь не прегради!
Все, что было прежде,
Будет впереди:

Встречи и разлуки,
Радость и печаль
И речной излуки
Синяя спираль.

Время — это камень
Под круженьем вод,
Синими витками
Жизнь моя идет.

Все, что прежде было,
Будет и потом,—
Желтое светило
Над глубоким сном.

ИЗ ТЬМЫ ПЕЧАЛЬНОЙ

Как чудно,
Что природе удается
Из тьмы печальной,
Между звездных свеч,
Для мира
Солнце ясное извлечь.
Какое счастье —
День и в небе солнце!

А мне как быть
В минуты наших встреч?
Как из твоей
Хронической печали
Хотя бы искру
Радости извлечь?
А солнце?
Солнце вылеплю едва ли...

НЕ ВЕДАЮ

Как все, не знаю,
На какой ступени
Той лестницы, что жизнью мы зовем,

Вдруг остановится мое мгновенье,

Последнее
В крутом пути моем.

Не ведаю,
В какое время года,
В какое время ночи или дня,
Как пуля птицу в сини небосвода,

Настигнет смерть
В пути моем меня.

Я лишь одно сегодня
Знаю твердо:
Коль долгожительство мне суждено

И доживу до сто седьмого года,

Мне будет очень трудно
Все равно

Расстаться
С белоглавыми горами,
С дождем и снегопадами в горах,

С зарею утренней, и с вечерами,

И с камешками
В чистых родниках,

С недвижным деревом,
С летящей птицей,
С водой и хлебом, с окнами, с дверьми,

С карандашом и белою страницей,

А главное,
А главное — с людьми!

Расстаться с жизнью
Будет так же трудно,
Как если б смерть пришла за мной сейчас,

Пабло Пикассо. 1881—1973. ПОРТРЕТ СЕБАСТЬЯНА ХУНЬЕРА ВИДАЛЯ. 1903.

Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

Анри де Тулуз-Лотрек. 1864—1901. ПОСТАНОВКА ОПЕРЫ «МЕССАЛИНА» В БОРДО. 1900—1901.

Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

Когда глаза твои сияют чудно
В ответ на блеск
Моих влюбленных глаз.

Когда не можем
Разобраться толком,
За что нас осчастливила
судьба,
Когда я вся заполнена
восторгом
И страшным страхом
Потерять тебя.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Неужто все это
С тобой и со мной?
Мы рядом проснулись опять,
И две головы —
На подушке одной,
И рук нам своих не разнять.

И видим сплетение
Горных дорог
В залитом зарею окне,
Зарю разрезает
Пастушеский рог —
И слышен тебе он и мне.

И оба мы слышим,
Как издалека
Несется торжественный рев,—
Надежное русло находит река.
А этот надежен ли кров?

И слышу,
Как птица над самым окном
Крылом в одиночестве бьет,
И все обрывается
В сердце моем,—
Неужто разлука нас ждет?

ГАЛУШКИ

В те грозные
Военные года,
Когда бескормица
Сводила скулы
Сильнее, чем любые холода,
Аул наш голодал, как все
аулы.

В наш сундучок,
Напоминавший пень,
Заглядывала мать с большой
тревогой,
Из сундучка муку
На целый день
Зачерпывала меркою убогой.

А бабушка
Чуть ли не целый час
Губами над мукою шевелила,
Потом галушки
Медленно лепила,
Чтоб не обидеть никого из нас.
И одинаково
День ото дня
Галушки становились меньше,
тоньше,
И бабушка возилась у огня
День ото дня
Старательней и дольше.
Кизяк щипцами
Вороша в золе,
Твердила нам о благодатях рая
Для тех,
Кто проживает на земле,
Излишеством любым
пренебрегая.

Но подходила
Бабушка поздней
К заветной цели
Присказки своей —
Тогда,
Когда галушки подавала
На блюде деревянном,
на большом,
Хоть уместились бы
И в блюдце малом —
Хинкал мы этот ели вчетвером.
И бабушка детей увещевала:
Коль досыта
Ребенок не поест,
То среди райских лучезарных
мест
В любое время
Среди разной пищи
Хинкал свой недоеденный
отыщет,—

Как ни обильна
Райская еда,
А человеку хочется всегда
Земной галушки
С острою приправой,
И назовется ль
Полноценной, право,
Без нашего хинкала жизнь
в раю?!

О бабушка,
Я в правоту твою
Так верила,
Что, проглотив галушки —
Хинкал величиною с птичий
глаз,—
Я спать ложилась,
И, прильнув к подушке,
В уме перебирала весь запас
Хинкала,
Сбереженного для рая...

О бабушка,
Лгала ты, помогая
Нам,
Малым сиротам военных лет,
Приправить голод
Сладкою мечтою.
И хоть загробной жизни
вовсе нет,
Я ложь твою о ней
Зову святою.

ГРАБЛИ

Как эти зубья грубы —
Все дочиста сгребли,
Травиночку одну бы
Хотя бы обошли!

Не жди
От них поблажки!
Легли в огромный стог
Последние ромашки,
Последний василек.

И время,
Несомненно,
Мои сгребает дни
Легко, как грабли — сено,
И жадно, как они.

Не признает
Отсрочек —
Когда придет черед,
Последний мой денечек
Безжалостно сгребет.

Не сетую ни капли.
Но если
Я права,
Что время — это грабли,
А я — всего трава,

Хочу,
Чтоб в час предсмертный
Сказать себе могла:
«Я медоносной,
Щедрой
И ласковой была».

КОГДА БЫ ЗНАЛА

За краткое существованье —
За срок земного бытия —
В любви
И в верности признаний
Немало выслушала я.
Одни из них —
Как при обвале
Скользящий щебень по горам,
Другие —
Словно расщепляли
Большую гору пополам,
Являя новое ущелье,
А третьи —
Легче ветерка,
Как быстролетное веселье.
Чуть раздвигали облака.

Но радость в сердце или горе
Провал
Иль взлет в моей судьбе,
Мне помнится тот смуглый
горец
На той петляющей тропе.
Я шла в аул высокогорный,
Орлы парили в вышине,
И горец
По тропинке торной
Ко мне подъехал на коне.
Он был решительней и кротче
Луча над вешнею травой,
Он предложил коня,
Но молча
Я покачала головой.

А он:
«В седле и путь короче,
И можно ехать прямиком,
Но если на коне не хочешь,
Я тоже побреду пешком».
Держа дистанцию меж нами
Длиною с меч,
Он вел коня,
Встречаясь на тропе с
камнями,
Он их отбрасывал ступнями,
Чтоб не поранили меня.
И вскоре
Посреди поляны
Он развязал свой узелок
И протянул мне хлеб румяный
И сыра свежего кусок.
Но, даже не сказав ни слова,
Я покачала головой.
Не стал и горец есть
И снова
Шел впереди крутой тропой.

А вскоре,
Как сегодня помню,
В пути родник попался нам,
Набрал воды он
В две ладони
И протянул к моим губам.
Я даже вслух не возражала —
Лишь покачала головой,
И руки смуглые разжал он
С прохладной влагой
ключевой.
И, жаждой-голодом томимый,
Вновь горец
Шел передо мной...
От синевы необозримой
До туч —
В горах подать рукой,—
И хлынул дождик проливной.

Накинуть бурку мне на плечи
Пытался горец молодой,
Его не удостоив речью,
Я покачала головой.
Скатал он бурку молчаливо,
К седлу поспешно привязал,
Со мною рядом зашагал —
С той стороны,
Откуда ливень
Тревожно наискось хлестал.

О горец,
Славный незнакомец,
С той встречи
Вечность протекла,
И у тебя, достойный горец,
Наверно, голова бела.
И я прошла дорог немало.
Чем дальше годы шли мои,
Тем явственнее не хватало
Твоей отвергнутой любви.
О сколько б раз
Ночами злыми,
Во сне, в бреду,
Как волшебство,
Твое выкрикивала имя,
Когда бы знала я его!

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ

НА СЦЕНЕ СВАДЬБА

Суйты — этнографическая группа на западе Латвии, удивительно самобытная, сумевшая донести до наших дней неповторимые народные обычаи, национальные костюмы, праздннества, песни — печальные и озорные, прощальные и свадебные... Свадебный ритуал — предмет особой гордости суйтов.

«Свадьба у них,— рассказывает латышский писатель Имант Зиедонис,— была огромным представлением, массовым спектаклем, величайшим событием. И в то же время полем словесной битвы. Песенной войной. Пиротехникой остроумия».

Можно ли поставить это на сцене? Работники Дома культуры в Алсунге и молодой талантливый режиссер из Лиепаи Андрей Мигла доказали, что можно. Так возникло театрализованное самодеятельное представление «Суйтская свадьба», показанное недавно в Риге на сцене академического театра драмы имени А. Упита.

Радостное, приподнятое настроение царило по обе стороны рампы. Это была встреча с настоящим искусством.

Скоро со спектаклем познакомятся зрители Эстонии и других братских республик.

А. ГРЕЧУХИН
Фото автора

СВЕТ ДРУЖБЫ

Михаил ЮХМА,
чувашский писатель

«Русский человек — добрый человек»,— гласит чувашская поговорка. Когда же она родилась? 425 лет прошло с того памятного времени, когда Чувашия добровольно вошла в состав России. Но мне кажется, что эта поговорка родилась еще раньше. Веками жили чуваши бок о бок с великим русским народом, вместе радовались весеннему солнцу и осеннему урожаю, вместе отстаивали свои земли от недругов. И давали клятву друг другу: «Наша дружба поблекнет только тогда, когда хмель утонет в воде и камень станет легче пуха».

Дружба!.. «У дружбы руки крепкие, они всегда смогут отвести беду и поддержать тебя в нужный момент»,— говорят сейчас чуваши. Сквозь века и испытания временем они пронесли, как святыню, великую, благородную дружбу с русскими. «Русский не глух к страданиям соседа», «Будь честным, как русский», «Если пойдешь с дружбой, то и в Москве будешь, как дома»,— учили чуваши своих детей.

Еще босоногим мальчишкой мне посчастливилось услышать из уст моей старой и слепой асанне — бабушки — интересную легенду. Известная сказительница, она дивными мелодичными песнями поведала мне историю двух холмов вблизи нашего селения. В них, оказывается, похоронены храбрый воин Изамбай и его верная жена — дочь русского стрельца из города Ярославля.

В легенде говорится о походе храброго сокола-воина Изамбая вместе с Мининым и Пожарским против польско-литовских захватчиков и продажных бояр, и о том, как в далеком русском городе Ярославле встретился чувашский джигит с той, которая заворожила его сердце. И, когда Москва была освобождена, поехала русская красавица из каменного города вместе с возлюбленным в Чувашию, где небо голубое. И назвали ее чуваши любовно Танюк.

Лучшие сыны и дочери русского народа помогли чувашам сохранить свое человеческое достоинство, создать свою культуру, письменность и художественную литературу. «Я получил вчера и экземпляр Вашей книжки. Очень рад за Вас, что она окончилась печатанием, постараюсь употребить со своей стороны возможное содействие распространению ее в чувашских школах»,— писал И. Н. Ульянов, получив первый букварь от чувашского просветителя И. Я. Яковлева.

У меня на столе семнадцать томов «Словаря чувашского языка» — богатейшего национального достояния моего народа. Составил словарь Н. И. Ашмарин — русский человек, в совершенстве овладевший чувашским языком.

Великий русский язык... Он давно стал для нас, чувашей, вторым родным языком. Благодаря ему я общаюсь с моими друзьями в разных краях Страны Советов. Русский язык открывает книгам чувашских писателей дорогу на всесоюзную и мировую арену.

Передо мной лежит журнал «Подъем», выходящий в Воронеже. Под рубрикой «Из братской поэзии» здесь напечатана большая подборка стихов чувашского поэта Васьлея Митты. Случилось так, что при жизни он почти не переводился на русский язык. И мы, почитатели его таланта, решили наверстать упущенное. Доброе дело сделал «Подъем». Я, как автор предисловия к подборке, уже получил десятки писем от знакомых и незнакомых литераторов братских республик, изъявивших желание перевести произведения Васьлея Митты.

Не могу не вспомнить о книге Михаила Сеспеля «Пашня Нового дня». В ней — одноименное стихотворение чувашского поэта на пятидесяти языках нашей страны и мира. Перевели его на свои языки поэты советских республик и социалистических стран: на болгарский — Ангел Тодоров, на армянский — Сильва Капутикян, на белорусский — Евдокия Лось, на марийский — Миклай Казаков, на осетинский — Георгий Кайтуков, на алтайский — Эркемен Палкин... И все они впервые познакомились с поэзией Сеспеля благодаря русскому языку. А на русский это стихотворение перевел народный поэт Чувашской АССР П. Хузангай, в совершенстве владеющий вторым нашим родным языком.

«Один язык знаешь — один раз человек, два языка знаешь — ты два раза человек, три языка знаешь — ты уже три раза человек»,— говорил патриарх чувашской культуры И. Я. Яковлев своим ученикам, поощряя изучение русского и других языков. Еще в первые свои буквари он включал рассказы и пословицы о дружбе народов. Он понимал силу дружбы, и, отстаивая национальную самобытность своего народа, И. Я. Яковлев вместе с тем горячо ратовал за тесный союз с русскими. «Верьте в Россию, любите ее,— писал он в своем завещании чувашам,— и она будет вам матерью!»

Его лучшие ученики понесли дальше святое знамя интернационализма. Мы знаем, что его ученик К. В. Иванов еще в то время, когда писал свою поэму «Нарспи», начал переводить на чувашский язык М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, А. В. Кольцова и других русских поэтов.

Мне посчастливилось встретиться с ученицей И. Я. Яковлева, первой чувашской поэтессой — восьмидесятилетней Васься Анисьси. Она мне рассказала о том, какие чудесные всходы дали добрые семена, посеянные чувашскими просветителями. После закрытия первой чувашской газеты «Хыпар», выходившей в Казани, воспитанник яковлевской школы поэт Сергей Таваньялсем в 1907 году в селении Тимерсяны начал издавать подпольный рукописный жур-

Памятник В. И. Ленину в Чебоксарах.

Фото В. Войтенко (ТАСС).

нал «Хайхи». В нем печатались не только произведения местных авторов, но и многочисленные переводы стихов Алексея Кольцова, Тараса Шевченко, Габдуллы Тукая. Интернациональные корни нашей литературы глубоки, они были заложены в самой ее основе. Теперь, в наше время, это получило новое звучание.

Чувашские литераторы — один из отрядов многонациональной армии советских писателей. Они сделали немало, чтобы крепла дружба сынов и дочерей братских республик.

...Вместе с русскими братьями в полках Болотникова, в казачьих лавах Разина, в крестьянских отрядах Пугачева шли чуваши на твердыню царизма. Вместе с русскими они штурмовали в 1917 году самодержавие. Счастье пришло и на древнюю землю чувашей, они обрели свою государственность и стали строить новую жизнь в дружной семье народов СССР.

До революции Чувашия была стороною сохи и лаптей. В годы первых пятилеток у нас стали строиться первые огромные фабрики и заводы: в Чебоксарах, Шумерле, Канаше, Козловке... Земледельческая Чувашия становилась индустриальной. А это без помощи соседних областей и республик было невозможно. И, конечно, огромную, решающую роль сыграла здесь помощь русских рабочих.

Недавно я ездил в город Горький. В музее трудовой славы и героизма Горьковского автозавода мне показали фотографию тридцатых годов. Молодая чувашка в лаптях стоит перед большим токарным станком. Рядом с ней — пожилой человек. А внизу подпись: «Старый русский рабочий обучает чувашку, приехавшую из деревни на завод, токарному делу».

Символическая картина! Можно привести тысячи волнующих примеров, как русские труженики обучали чувашских парней и девушек мастерству, помогали осваивать профессии токаря, слесаря, фрезеровщика, помогали стать настоящим рабочим...

Я вспоминаю свои писательские пути-дороги. Они приводили меня в разные концы нашей страны: к русским и украинцам, грузинам и башкирам, аварцам и гагаузам, литовцам и хакасам. И каждая такая встреча — еще одно подтверждение правдивости пословиц моего народа.

В одной из школ Смоленской области, куда я был приглашен на встречу, синеглазая семиклассница прочла свое стихотворение «Чувашский хлеб». В нем говорилось о маленькой русской девочке, родители которой были убиты на войне. Вместе с другими детьми ее эвакуировали на Восток. Было холодно и голодно. Поезд застрял на небольшой станции в Чувашии. И здесь старая чувашка принесла маленькой русской целую буханку хлеба. Старуха не знала по-русски, а девочка — по-чувашски, но они поняли друг друга без слов. Меня поразили последние строки этого стихотворения. В них говорилось: тогда людям показалось, что вся Чувашия спешит им навстречу, неся на протянутых руках свою щедрость, свое гостеприимство.

Позже я узнал, что мать этой синеглазой школьницы-поэтессы и была той самой сироткой, которой старая чувашка принесла целую буханку хлеба.

Слушая стихотворение «Чувашский хлеб», я вспоминал рассказы моих старых чувашских друзей, которые пережили 1922 год, когда страшная засуха сожгла всю землю и начался голод.

«В Чувашской области погибает 285 тысяч детей. Охватим же плотным кольцом эту гибнущую детскую массу, пригреем, оживим ее,— призывали с тревогой и болью московские газеты.— Не завтра, а сейчас, немедленно. Помните, каждый час, каждая минута стоит человеческих жизней. Спешите же!»

И друзья пришли на помощь. Весь советский народ — русские, украинцы, белорусы, карелы, абхазцы, молдаване... Голодающие чувашские дети тысячами были вывезены в промышленные города страны, где их брали к себе в дом как родных. Один из них, мой сосед-инженер, рассказал мне о своем приемном отце, русском рабочем. Его брата воспитала семья грузинского врача, сестру — белоруска.

В годы Великой Отечественной войны тысячи женщин, стариков и детей из русских, украинских, белорусских и других сел и городов нашли приют, сердечную теплоту в Чувашии. Колхозы выделили им свыше тринадцати тысяч голов скота и птицы. Многие семьи получили приусадебные участки и семена.

Вот она — настоящая дружба.

...В соседних домах живут три моих друга, три знатных строителя: чуваш В. Н. Николаев, русский П. Н. Иванов и татарин А. М. Мухамедзянов. Они большие мастера своего дела, активные общественники, коммунисты, и знаю, как благотворно влияет на них дружба, каких больших успехов достигают они на «Тракторострое», соревнуясь друг с другом. Их дружба крепче кровного родства, это дружба трех коммунистов-интернационалистов, трех рабочих.

В. Н. Николаев — сын землепашца. Застенчивый, замкнутый паренек из чувашского селения стал прекрасным мастером, который стремится все делать основательно, на совесть, стал активным общественником, зрелым коммунистом, мудрым наставником молодежи, по-настоящему культурным человеком. Многому научился он у своего русского друга и учителя П. Н. Иванова, приехавшего в Чувашию из Горького в годы первых пятилеток.

Как-то я спросил у Валерия Николаевича:

— Что самое ценное заметили вы в людях за время работы на Тракторострое?

Николаев ответил:

— Осознание силы созидательного труда, дружбы людей... На строящемся Чебоксарском заводе промышленных тракторов высококвалифицированные русские рабочие, приехавшие на помощь чувашским тракторостроителям, обучали и обучают своей профессии молодых ребят, учеников. Многие чувашские парни и девушки овладевали профессией тракторостроителя в Челябинске.

Помню дни сборки первого чувашского трактора. Здесь трудились бригады чуваша Вячеслава Иванова, русского Геннадия Беляева, украинца Николая Бурды, татарина Мизеки Гайнутдинова. Первый запуск двигателя произвел русский Николай Мирошниченко, а вывел трактор из ворот завода его ученик чуваш Валентин Григорьев.

Недавно выступал я перед этим коллективом. Спрашиваю:

— На каком языке хотите слушать стихи?

— На всех языках Советского Союза,— ответили мне.

Здесь трудятся представители почти всех народов нашей страны. Когда я читал стихи на чувашском, все дружно аплодировали, будто это для них родной язык.

— Разве вы все поняли?— спросил я.

Черноволосый крепыш-армянин ответил:

— Мы живем на земле чувашей, поэтому чувашский язык стал нам близким и понятным.

...Я чуваш. Я люблю чувашский язык, и для меня моя Родина начинается с того селения, где я родился. Но братьев и сестер у меня много: латыши и чукчи, таджики и абхазцы, тувинцы и манси... Карелия и Сахалин, Кавказ и Чукотка, Средняя Азия и Прибалтика — все это моя Родина. Мы разговариваем на разных языках, но жизнь, мир понимаем одинаково: по-советски, по-коммунистически.

Как-то газета «Правда» рассказала своим читателям о чувашских строителях, пришедших на помощь жителям Дагестана, которые пострадали от землетрясения. В селении Дылым они построили целый микрорайон, который благодарными дагестанцами так и назван — Чувашией.

В городе Орске, Оренбургской области, где работали бригады чувашских строителей, существует улица Чебоксарская.

...Есть у меня старый друг Васьлей-мучи. Каждая беседа с ним для меня — радость, откровение. Однажды мы, босоногие мальчишки, поспорили: что сильнее на свете? Пришли с этим вопросом к мудрому старику. Он ответил:

— Туслах.

— А что крепче всего на свете?— спросили мы.

— Туслах.

— А что светлее?

— Туслах.

— А что в жизни человека главное?

— Туслах,— сказал он.

Туслах — это дружба. Свет дружбы освещает наше будущее.

Чебоксары.

Дом-музей А. В. Суворова в Кобрине.

МУЗЕЙ ПОЛКОВОДЦА

На одной из центральных улиц древнего белорусского города Кобрина, сто лет носящей имя Суворова, сохранился скромный дом. На фоне современных построек выходцем из отдаленного прошлого выглядит это приземистое здание. Окна с двустворчатыми деревянными ставнями, шеренгой вытянувшиеся по фасаду, украшены фигурной металлической оковкой. По сторонам выступающего на тротуар старомодного крылечка поблескивают тяжеловесные пушечные стволы. На мраморной доске у входа высечено: «Здесь жил А. В. Суворов в 1797 и 1800 гг.». А перед домом, у самой кромки тротуара, на невысоком постаменте застыл бронзовый бюст полководца, который «баталий не проигрывал».

Только чудом уцелел домик великого полководца от опустошительного пожара, почти полностью уничтожившего Кобрин в разгар кровопролитного боя с наполеоновскими войсками 15 июля 1812 года. Летом 1944 года гитлеровские солдаты в последние месяцы оккупации превратили дом в конюшню...

Решающим в судьбе дома-ветерана оказался первый послевоенный год. В 1946 году было принято решение о реставрации исторического дома с последующим открытием в нем военно-исторического музея имени А. В. Суворова.

В этом году отмечается 30-летие этого своеобразного музея, который завоевал широкую известность и в настоящее время стал одним из наиболее популярных музеев БССР.

Музей посетило уже около двух миллионов человек.

А. МАРТЫНОВ,
директор музея

Кобрин,
Брестской области.

Побывайте в доме Соколовой

Когда мы, студенты МГПИ имени В. И. Ленина, прочли очерк Севериной «Дом Соколовой» («Огонек» № 34), нас, как будущих педагогов, заинтересовало: каким образом можно добиться таких прекрасных результатов воспитания? На самом ли деле все обстоит так, как написано? И вот мы поехали в Ясную Поляну. То, что мы увидели, превзошло наши ожидания. Автор очерка далеко не все рассказала об этом замечательном детском доме и его директоре Соколовой. Это поистине райский дом! В нем ведется огромная воспитательная работа. Например, детдом — член Общества советско-чехословацкой дружбы, и ребята уже шесть раз ездили в ЧССР! Какие чудесные комнаты: Ленинская, Боевой славы, Чешская, Толстовская. Все сделано руками самих ребят. Да, тут можно о многом рассказывать. Воспитывают в детдоме действительно все — и повар и шофер. Так бывает только у очень талантливых руководителей, больших педагогов, каким является Ф. А. Соколова.

Надо, чтобы все будущие педагоги побывали в этом доме, подышали его атмосферой, увидели счастливых детей.

О Макаренко, Сухомлинском знают все. Надо, чтобы узнали и о Соколовой. У нее есть чему поучиться.

Москва.

КАЧЕСТВОМ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

Инженер Л. В. Златогурская проверяет качество звучания электрофона.

Один из цехов производственного объединения имени 50-летия Октября.

Объединение «Прогресс». Комиссия по определению сортности обуви.

«Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что повсеместное использование опыта партийных организаций и коллективов передовых предприятий Львовской области и других крупных промышленных центров страны по разработке и внедрению комплексной системы управления качеством продукции будет во многом способствовать успешному осуществлению экономической политики партии на современном этапе».

Л. И. БРЕЖНЕВ

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В ЦЕХУ И У ПРИЛАВКА

Во Львове, в центре города, есть большой обувной магазин. Те, кто часто сюда заглядывает, обратили, очевидно, внимание на частую смену работников прилавка. Один-то продавец работает постоянно, а вот помощники у него меняются каждый день. Ученики! Не похоже! Люди в основном солидные, зеленой молодежью не назовешь. С одним из них мы познакомились. Виктор Александрович Новиков, мастер цеха из обувного объединения «Прогресс». Причину своего появления за прилавком он объяснил так:

— Нам, мастерам, начальникам цехов, конструкторам, вменено в обязанность два раза в месяц стоять за прилавком.

— Чтобы не забывать о потребителе! — спрашиваю я.

— Не совсем. Мы и сами в общем-то потребители. И все же за прилавком на свою продукцию смотришь несколько иначе.

— В каком смысле!

— Ну, скажем, появились в продаже туфли новой модели. С нашей точки зрения, с точки зрения тех, кто их делал, хорошие, да только не покупают их. Присматриваюсь. Кинется покупатель к туфлям, померяет, полюбуется, а потом повертит в руках и откладывает в сторону. «В чем дело!» — спрашиваю. «Да вот каблук отстает». «Возьмите другую пару». «Они все такие». Смотрю внимательно на туфли, которые на нашем участке делали, я их до ни-

точки, до рубца на подкладке знаю. Оказывается, каблук-то модный, а прикреплен, как обычный. Передние винты отстают от среза. Когда согнешь туфлю, край каблука отстает от подошвы. На прочность крепления не влияет, я ведь это знаю, а вот покупатель думает иначе... На следующий же день передвинули лапку на конвейере — минутное это дело,— винты приблизились к срезу каблука, и он не отстает. Модель пошла... А сколько раз мы меняли окраску, пряжки, застежки, детали отделки! И все по советам покупателей, высказанным в магазине...

Дежурства обувщиков за прилавком — это лишь малая деталь в системе мер, обеспечивающих управление качеством продукции. Конечно, увидеть или представить себе всю систему целиком трудно. Но есть в ней такие узлы, в которых многое переплетается. Один из них — конвейер.

В одиннадцатом цехе, где шьют женскую обувь, мастером конвейерного участка работает В. А. Новиков, с которым мы уже познакомились.

На выходе конвейера — контролер, он придирчиво осматривает каждую пару и ставит свой штамп: первый сорт. Иного штампа у контролера нет... Но вот в его руки попала пара, которая чем-то, скажем, неряшливой строчкой, отличается от установленного образца. Что делать? Штамп-то один — первый сорт — и требования одни: никаких отклонений от утвержденного образца. И пара с неряшливой строчкой откладывается в сторону. Возвратить ее мастеру, в данном случае В. Новикову, контролер не имеет права, это строго запрещено — только в сторону, только в специальный короб.

Все, что не первый сорт, хранится до прихода комиссии. Лишь она имеет право разобраться, что пустить вторым сортом, что — на переделку, что — уценить, а то и списать. И комиссия уж обязательно установит причины брака, найдет конкретного виновника, будь то рабочий, технолог, снабженец или автор неудачной модели.

— Очевидно, комиссии приходится заседать часто и подолгу? — спрашиваю у начальника цеха Степана Ивановича Данчевского.

Он пожимает плечами.

— Если бы мы завели такой порядок лет десять назад, то комиссии действительно пришлось бы тяжеловато. Но теперь наше объединение девяносто шесть и восемь десятых процента обуви выпускает первым сортом.

...У конвейера в белых халатах стоят и сидят — кому как удобнее — рабочие. В основном молодежь. Сосредоточенные лица, спокойные, уверенные движения.

— Вот все они — контролеры,— с улыбкой говорит мастер.— Если рабочий видит, что сосед на предыдущей операции выполнил ее плохо, он не имеет права оставлять изделие на конвейере, продолжать работу над ним. Пропустил брак — отвечаешь за него наравне с прямым виновником, даже если свою собственную операцию выполнишь безукоризненно.

— А если все-таки какой-то скрытый брак уйдет за ворота фабрики и обнаружится через полгода-год,— допытываюсь я,— найдете ли вы в таком случае виновных?

— Несомненно, хоть через пять лет. У нас такая система учета, что, распоров любой старый ботинок, мы можем точно сказать, кто какую деталь обрабатывал, какого числа и в какую смену. А объединение выпускает в год больше четырнадцати миллионов пар.

Новиков предлагает мне посмотреть, «с чего начинается качество». Мы подходим к одной из колонн, подпирающих высокий потолок просторного и светлого цеха. На ней висит лист бумаги, расчерченный, как страничка классного журнала. Колонка слева — фамилии рабочих бригады, а справа квадратики с числами месяца, заполненные по вчерашний день включительно. В них проставляются оценки качества труда за каждый день.

— Сколько же на это надо времени?

— Две минуты,— говорит мастер и поясняет:— На месяц мне дается лимит возможных ошибок. Моя бригада за месяц, например, может неудачно выполнить сто шестьдесят операций.

Это предел — дальше нам уже начнут снижать оценку за качество работы... Полученный лимит я делю между членами бригады. Кто на простой операции, тому ничего не дам из лимита, он не должен ошибаться. У кого работа посложнее, получит предел: он может до десяти раз неточно выполнить свою операцию. Если на протяжении месяца рабочий уложился в свой лимит — претензий по качеству к нему нет, и он получает максимальный процент премии.

Дело тут не только в премии, хотя размер ее четко соответствует качеству труда. Очень важно еще и то, что показатели качества стоят на первом месте при подведении итогов социалистического соревнования, при оценке партийной, профсоюзной, комсомольской работы. Портрет на Доске почета, заметка в многотиражке — разве это не поощрения? Главное же, на мой взгляд, если отвлечься от частностей, заключается в том, что качество работы возведено в категорию нравственную, как честность или порядочность...

Слушаю я мастера и задумываюсь: а не слишком ли большая ответственность возложена на рядового рабочего, не стало ли ему труднее, не чувствует ли он себя, как под стеклянным колпаком, когда каждый его шаг, каждое движение на виду?

— А вы спросите об этом самих рабочих,— предлагает Виктор Александрович.

На мои вопросы отвечает Эмилия Васильевна Луцив. Она стоит у конвейера на довольно сложной операции. Внешне Эмилия Васильевна похожа на медицинскую сестру: белый халат, накрахмаленная кофточка.

— Отчего же нам может быть труднее?— строго переспрашивает она.— Возьмите любой случай. Сгорел предохранитель, остановился станок. Теперь не надо искать и уговаривать электрика — он всегда на месте и прибежит по первому сигналу. Полетела какая-то шестеренка в конвейере — тут как тут служба механика. Каждая минута простоя станков и оборудования — это уже расход их лимита, а раз так, им неумолимо снижается оценка за качество работы. Теперь они не ожидают поломок, а стараются хорошо и в срок проводить плановые ремонты, потому что тут за каждый день опоздания они тоже какой-то коэффициент качества теряют.

— Нужны внимательность и добросовестность,— продолжает наш разговор мастер.— Не забывайте, что каждую не первосортную пару обуви смотрит комиссия. И если какие-то недостатки повторяются, причину ищут в недоработке конструкции, в особенности сырья, в технологических просчетах.

...Представители родственного предприятия Львова пришли за опытом в объединение «Прогресс». Начальник отдела управления качеством Лидия Самуиловна Гилод провела их по цехам, показала, как оформляется документация, рассказала о роли общественности... Через некоторое время партийные органы посылают Л. С. Гилод на это предприятие, чтобы проверить, как там осваивается опыт обувщиков. Пришла она к подопечным, посмотрела их цехи, увидела и вывешенный на видном месте план внедрения комплексной системы. А надо заметить, что Лидия Самуиловна — женщина энергичная, боевая. Сняла она этот план и тут же порвала.

— Прежде всего,— говорит,— мужчинам надо побриться, женщинам причесаться, грязь в цехах выскоблить, подачу деталей обеспечить секунда в секунду.

В общем, нельзя изучать высшую математику, не пройдя элементарный курс начальной школы: система требует высокой культуры производства. Как же требовать безукоризненной работы от исполнителя, не обеспечив ему необходимые для этого условия?

СТАНДАРТЫ И ТВОРЧЕСТВО

Если вы купите «Правду» или «Известия» в Киеве, Харькове, Новосибирске и сотнях других городов, отделенных тысячами километров от Москвы, то на последней странице в самом низу найдете такую строчку: «Газета передана по фототелеграфу». Каждая ее страница — весь текст, заголовки, снимки и рисунки — передается из Москвы за две с половиной минуты. А еще через несколько минут эта страница уже на месте превращается в металлические барабаны и столичные газеты начинают печататься в десятках городов страны.

Сложнейшее фототелеграфное оборудование (как передающие, так и принимающие устройства) изготавливается во Львове, в производственном объединении имени 50-летия Октября. Здесь выпускают лучшие советские стереопроигрыватели и многое другое. Семьдесят процентов продукции объединения выпускается со Знаком качества.

И не случайно коллектив именно этого объединения оказался одним из авторов комплексной системы управления качеством продукции, которая получила название львовской.

С особенностями системы, присущими именно этому предприятию, меня знакомил заместитель секретаря парткома Николай Михайлович Гук. Трудится он здесь пятнадцать лет, путь его — от слесаря до начальника цеха, а в прошлом году перешел на партийную работу.

Он хорошо помнит, как еще в 1963 году тут внедряли саратовскую систему бездефектного изготовления продукции. Она позволила резко сократить потери от брака. Но ее недостатком было то, что если какой-то узел или деталь браковались, пропадал труд и тех рабочих, которые выполнили свои операции хорошо.

И тогда взялись за разработку своей системы бездефектного труда, при которой берется на учет каждая операция. Любые отклонения от технологии обнаруживаются не в готовой продукции или узле, а сразу же там, где они допущены.

— Основное достоинство нашей системы,— говорит Николай Михайлович,— ее действие на всех уровнях управления — от рабочего до директора. Она формирует качество продукции на этапах ее разработки, производства, реализации и эксплуатации. Мы можем (и это делается постоянно) языком цифр определить качество труда рабочего, инженера, снабженца, бухгалтера... Появилась возможность переводить отдельные элементы системы на ЭВМ.

Очень важным элементом, пожалуй, даже определяющим, являются стандарты предприятия. Разрабатываются они, конечно, в полном соответствии с правовыми нормами, ГОСТами. Порядок приемки продукции, методы осуществления контроля изложены, например, в документе, который называется: «Организация контроля качества продукции в производственных цехах». Это книжка в полсотни страниц, две трети ее отведено под образцы ведомостей, актов и другой документации, обязательной в процессе работы. Другой стандарт называется «Подсчет уровня качества труда подразделений на ЭВМ». Есть стандарты по контролю за инструментальной оснасткой. Естественно, что все они предназначены только для цехов данного объединения, и поэтому наиболее полно учитывают его неповторимую специфику...

А, скажем, в объединении «Прогресс» разработаны и действуют 49 своих стандартов предприятий, а с первого января будет введено еще около семидесяти. Здесь иные задачи, иные регламенты. Один из них — «Методы изучения конъюнктуры рынка и использование этих данных при разработке моделей обуви». Теперь четко определены функции работников, установлен порядок выполнения этих функций. Никакой самодеятельности!

А как с простором для творчества? Есть простор! Стандарты предприятия не допускают обезлички, не дают по-разному толковать употребляемые термины, четко определяют меру ответственности каждого. Соблюдай стандарты и твори! Мешают они лишь тем, кто не освоил свои прямые функции или хочет от них уклониться. Ну, а если вдруг и окажется, что стандарт стал тормозом дальнейшего развития — его всегда можно изменить или внести поправку при очередном ежегодном пересмотре. Кстати, есть стандарт, называемый «Порядок разработки и введения стандартов предприятия».

Коллективы предприятий, которые ищут наиболее рациональные пути для выполнения планов десятой пятилетки, неизбежно должны прийти к комплексной системе мер, управляющих качеством продукции, строго учитывающих качество труда каждого. И не обязательно ее называть львовской. Все, с кем мне пришлось здесь разговаривать, будь то рабочий или секретарь горкома, настойчиво подчеркивали, что для них фундамент заложили саратовцы, москвичи, ленинградцы, свердловчане...

ЛЮДИ ЧЕСТИ И ДОБЛЕСТИ

Эта книга не роман, не повесть, в ее подзаголовке стоит: сборник. Но когда читаешь ее — очерк за очерком, страницу за страницей,— испытываешь жгучее волнение, тебя охватывает чувство восхищения перед доблестью и стойкостью людей, о которых идет речь, перед их умом, энергией, проницательностью, самопожертвованием, забвением всего личного ради идеи. Ничего для себя — все для людей, все для революции! Авторы очерков, опубликованных в книге, не ставили перед собой цели навести литературный глянец в своих работах, увлечь читателя сюжетным поворотом, их произведения лишены претенциозности, они скромны в своей литературной форме, но именно эта простота речи нужна книге, в которой все подчинено силе факта.

Сборник открывается очерком о Надежде Константиновне Крупской. Она была блистательным партийным работником — неутомимый организатор партии, обладавшая громадной памятью и эрудицией. Сколько бессонных ночей, полных тревог, забот и волнений, отдано было делу партии этой, казалось бы, слабой женщиной!

Михаил Иванович Калинин пользовался громадным уважением и любовью в стране. Тверской крестьянин по рождению, петербургский рабочий-металлист по профессии, он как бы символизировал в своей яркой личности и многообразной революционной и государственной деятельности единение рабочего класса и трудового крестьянства. В 1917 году, после Февральской революции, он неоднократно выступал в «Правде» со статьями по земельному вопросу. Одна из них так и называлась — «О земле» и была подписана: «Рабочий М. Калинин». Очерк о Калинине рассказывает о том времени, когда он возглавлял после Октября Петроградскую городскую думу, а став председателем ВЦИК, вел огромную агитационно-пропагандистскую работу, разъезжая по стране и фронтам с «агитпоездом», собиравшим тысячи людей, приезжавших за сотни верст послушать «всероссийского старосту», умевшего говорить просто, убедительно, доступно и проникновенно.

Железный Феликс, рыцарь Революции — так звали Феликса Эдмундовича Дзержинского, организатора и руководителя ВЧК, очищавшей молодую Республику Советов от бесчисленных заговорщиков и классовых врагов, от саботажников и злостных спекулянтов. Враги Советской власти люто ненавидели его. Да, он был беспощаден к врагам революции, но он же первым предложил еще в 1920 году, после разгрома основных сил белогвардейщины и интервентов на фронтах гражданской войны, отменить смертную казнь по приговорам ВЧК и ревтрибуналов. И предложение это было горячо поддержано Лениным. И ВЦИК и Совнарком закрепили его совместным декретом.

Только малая часть биографии Дзержинского вошла в очерк, но его невозможно читать без глубокого волнения.

Великолепен в сборнике очерковый портрет Георгия Васильевича Чичерина — наркоминдела Советской страны, человека высокообразованного, эрудированного, энциклопедиста, знавшего все, что требовал его высокий и важный государственный пост. Его знания и образованность, такт и манеры, красноречие и проницательный ум поражали вылощенных, натренированных европейских дипломатов, столкнувшихся с ним на первых после войны конференциях. Георгий Чичерин был одним из тех, кто проложил дорогу к международному признанию и утверждению Республики Советов.

Киров! Любимец партии и народа, государственный и общественный деятель огромного масштаба, чье имя было окружено ярким ореолом, человек, поражавший всех необыкновенной энергией, неутомимой работой, тесным общением и дружбой с рабочими, учеными, интеллигенцией, крестьянами. Он покорял людей своим обаянием, яркой образной речью, умением слушать и проникать в людские души.

Не о всех очерках и не о всех героях этой книги позволили нам рассказать сжатые рамки рецензии, но в заключение хочется отметить, что сборник «Коммунисты» точно показывает, какие удивительные, яркие и сложные времена мы пережили, каких гигантов родила наша земля — гвардейцев Ленина, людей чести и доблести, как бы выкованных из стали.

Ник. КРУЖКОВ

«Коммунисты». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1976, 432 стр.

ТВ

А. Покровская и А. Попов в спектакле «Степной король Лир».

Фото Н. и А. Агеевых

ТУРГЕНЕВСКИЙ КОРОЛЬ ЛИР

На телеэкранах прошла премьера спектакля «Степной король Лир» по повести И. С. Тургенева. Думается, это удача. Драматургическое прочтение тургеневской повести (сценарий И. Мартынова) интересно и своеобразно. Главным же достоинством остается то, что при переводе на сценический язык почти вовсе не исчезло звучание классической прозы — не убиты основные приметы оригинала. Атмосфера повести, ее драматизм переданы благодаря великолепным артистам А. Попову и М. Болдуману поистине в шекспировских масштабах. Трагедия «заурядного человека» поднята и в самом сценарии и в спектакле именно на такой уровень. Поэтому включение в ткань пьесы отрывков из шекспировских монологов короля Лира воспринимается не как «прием», но как живое, естественное выражение острых нравственных переживаний героя.

Мартын Петрович Харлов, сыгранный А. Поповым, необычайно интересен. Актер нисколько не «жалеет» и даже не щадит своего героя. Перед нами грубый, жестокий, а вместе с тем совершенно беспомощный, несмотря на геркулесову силу, человек. Он одинок и несчастен. Достаточно только взглянуть на него, чтобы убедиться в этом.

К концу спектакля сломаны все надежды и иллюзии Харлова. Никто и ничто не может его спасти. Он гибнет так же нелепо, как и жил. Но он заставляет нас думать о том, что и сегодня нетерпимы черствость, бездушие, нежелание услышать в человеке Человека.

В спектакле много ярких, запоминающихся сцен; удачно сыграно свидание Евлампии (Н. Назарова) и Слеткина (Е. Киндинов). И хотя в пьесе и спектакле есть некоторые неточности — авторы, скажем, весьма «омолодили» Наталью Николаевну да и вообще смягчили характеристику, данную ей Тургеневым,— хотя слишком много внимания уделено персонажам и аксессуарам второстепенным, но все это детали. Они не могут снизить очень глубокого, сильного впечатления от тургеневского спектакля, созданного молодым режиссером А. Васильевым.

А. ЗВЯГИНА

МАНАСЧИ

Его зовут Уркаш Мамбеталиев. Он — манасчи, один из немногих людей, бережно хранящих в памяти бесценное сокровище киргизов: океаноподобный эпос «Манас». Для народа, научившегося писать и читать лишь в годы Советской власти, «Манас» на протяжении веков был литературой и театром, исторической хроникой, учебником географии и медицины... Киргизский народ создал чудо, не имеющее равных среди всех эпических сказаний. По количеству строк «Манас» в 2,5 раза превосходит «Махабхарату», в 5 раз — «Шахнамэ», в 20 — «Илиаду» и «Одиссею». Только со слов выдающегося сказителя Саякбая Каралаева ученые записали более полумиллиона строк. Каралаев явился последним чон-манасчи — большим манасчи, знавшим наизусть все три крупнейшие части эпоса: «Манас», «Семетей» и «Сейтек».

Уркаш не был учеником Саякбая. Да этому искусству и нельзя научить: человек должен сам почувствовать в себе способность заговорить удивительными словами, внятно, красочно и мощно, заставляя очарованных людей видеть героев рассказа так же зримо, как яблоко на ладони. Но все-таки однажды они встретились: Саякбай приехал зимой в аил Талды-Су, где жила семья Мамбеталиевых. Утром чон-манасчи уезжал охотиться с беркутом, а вечером... Вечером весь дом председателя колхоза Осмона Кангельдиева заполнили люди.

Саякбай пел о могучем Семетее. Люди слушали, боясь пропустить малейшее движение рук, бровей, глаз, губ. Затаив дыхание смотрел на сказителя и одиннадцатилетний Уркаш.

На следующий день Кангельдиев подвел его за руку к Саякбаю.

— Саке, получится из мальчика манасчи?..

Каралаев внимательно посмотрел на Уркаша, велел рассказать что-нибудь. Мальчик закрыл глаза и начал петь о рождении Алмамбета: он не вспоминал — слова сами срывались с губ, а голос звенел, как струна комуза. Струйки пота текли по вискам, а Уркаш все пел. Когда он умолк, Саякбай сказал: «Он будет манасчи»,— взял чашу с кумысом, отпил и протянул Уркашу.

С того незабываемого дня прошло четверть века. Мамбеталиев стал манасчи; он исполняет половину «Манаса» и половину «Семетея».

— Может быть, к пятидесяти годам я стану настоящим манасчи,— говорит мне Уркаш.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото М. Шлафштейна

«В ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ довести в 1980 году добычу газа до 400—435 млрд. куб. метров. Ввести в действие примерно 35 тыс. километров газопроводов».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Ю. ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Пурга навалилась как-то вдруг — щедро сыпануло снегом, непонятно откуда наскочил ветер и пошел и пошел наждачить тундру. Шофер плетевоза, с которым я добирался на трассу газопровода — по-здешнему «на трубу», сбросил газ и включил фары. Машина пошла под уклон медленно, словно ощупью, а потом постепенно стала набирать ход. Грузом нашим были полутораметровые в диаметре плети — длиннющие многотонные трубы, и казалось, теперь не будет силы, способной в случае необходимости остановить тягач. Меня мотало по кабине в такт каждому ухабу, и шофер с жалостью посматривал в мою сторону, не понимая, во имя чего я-то мучаюсь, или, как он выразился — «за что страдаю».

Вчера я пролетел вдоль «трубы» на вертолете. Трасса газопровода четко делила обозримый круг тундры надвое ровной, почти идеальной прямой. Вдоль нее по накатанному до блеска зимнику легко катили тягачи, груженые трубами. Идиллия, да и только — казалось сверху. Теперь же, внизу, все виделось мне совсем не так. Теперь даже в роли пассажира я чувствовал, что трасса легкой не бывает. Шестьдесят с небольшим километров мы проехали за четыре с лишним часа. Здесь это считалось в порядке вещей...

Пурга кончилась так же внезапно, как и началась. В блеклом северном небе образовалась брешь, и из нее выскочил шустрый солнечный луч. Земля вздрогнула и зазвенела... То двинулась вперед вдоль газопровода застоявшаяся изоляционная колонна, пережидавшая непогодь. А может быть, то рухнула наземь с каменного лика Тита Александровича Яголовича, начальника колонны, его суровая печаль.

— Ну, поехали,— оживился он, закуривая двадцатую (или сороковую?) сигарету, и быстро зашагал к голове колонны. То ли сам себе он это сказал, то ли мне, то ли своим бульдозеристам, которые, сидя в кабинах машин, словно бы услышали его команду,— только враз заревели двигатели...

Я смотрел на Яголовича, на синхронные действия трубоукладчиков, державших неимоверную тяжесть «трубы» на стальных своих стрелах, на очистной агрегат, изрыгавший искры и пламя, на изоленту, заботливо пеленавшую газопровод, словно большую, бесконечно длинную мумию. Гром и гул сопровождали колонну. Земля дрожала, как при землетрясении. Она сопротивлялась натиску техники и будто давала понять, что может и не выдержать. И люди знали это, потому что шли по своеобразному намороженному мосту — сравнительно тонкой корке мерзлой почвы, под которой живут вечные болота. И так они пройдут несколько сотен километров до самого Урала, чтобы потом вернуться назад и проложить еще одну, параллельную нитку газопровода Медвежье — Надым — Пунга, на этот раз четвертую. Возможно, ее тоже окажется недостаточно, чтобы принять в себя газовый океан одного из крупнейших в стране месторождений — Медвежьего. Шутка сказать: к концу года сибирские промыслы дадут около 44 миллиардов кубометров газа, и бóльшую часть из них — Надым. А там уже ждет очереди крупнейшая на планете газовая кладовая — Уренгой. Нет, не скудеет богатствами земля сибирская...

Об этом же мы рассуждали час спустя в «итальянской» гостинице. Зной солнца стекал в лазурь Средиземного моря. Итальянцы грустно смотрели на него, ибо было оно всего лишь лаковой картинкой настенного календаря. А за стеной, всего в нескольких сантиметрах за этим морем, лютовал мороз — уже надымский календарь во всем своем естестве.

— Синьоры!— сказал я на чистом итальянском единственное известное мне слово, правда, с заметным новосибирским акцентом, и тут же перешел на родной русский:— Скажите же скорее, каким вас ветром сюда занесло?

— Ветром сотрудничества,— ответил на приличном русском синьор Марио Пайта.— Наша фирма «Нуово Пиньоне» поставляет оборудование для газокомпрессорных станций. Мы, инженеры, помогаем монтировать его...

Второй синьор, тот, что помоложе, Альберто Колонна изредка вставлял что-то по-итальянски и, улыбаясь, утвердительно кивал головой. Из этого я заключил, что он столь же блестяще знает русский, как я итальянский (что впоследствии и подтвердилось), и, желая сделать ему приятное, я показал жестами, что, мол, спагетти (оказывается, я еще одно слово знаю!) — это вкусно. А вслух добавил:

— Я впервые пробую спагетти у Полярного круга.

— Мы тоже,— засмеялись итальянцы.

— Что вас поразило больше всего в Надыме?— спросил я, предполагая услышать о морозах, северном сиянии или традиционных медведях, но ошибся.

— Мы тут сделали для себя одно открытие,— сказал синьор Пайта.— Оказывается, земля накачана превосходным газом и потому приняла форму шара. А поскольку место закачки, по нашему предположению, находится здесь, то мы надеемся, что у фирмы «Нуово Пиньоне» это не последний заказ на оборудование.

Но время встречи, по выражению футбольных комментаторов, истекло вместе с обеденным перерывом. Бросив прощальный взгляд на средиземноморский пляж, мы все вместе отправились по утоптанному снегу к компрессорной станции.

Станция эта самая мощная на газопроводе. Сейчас, после пуска первой ее очереди, по трубам перекачивается 110—120 миллионов кубометров надымского газа в сутки. А будут еще вторая и третья очереди, и тогда...

— Тогда в год будем давать шестьдесят два — шестьдесят пять миллиардов кубов,— говорил при встрече первый секретарь Надымского горкома КПСС Евгений Федорович Козлов,— а к восьмидесятому году вдвое больше. Это наши перспективы. А вы посмотрите, как растет город. Кто не был тут хотя бы два года, уже не узнает наших мест...

Я был в Надыме три года назад, и если бы меня тогда спросили, что он собой представляет, я бы ответил: это тундра, в центре которой стоит неизвестно откуда взявшийся пятиэтажный дом, окруженный тьмой вагончиков... Вагончики были пронумерованы, но как-то странно. Рядом с номером 405 можно было увидеть, допустим, 823-й. Как находили нужный номер почтальоны, для меня так и осталось загадкой, но почта, по всеобщему свидетельству, приходила в срок. В тех вагончиках обитали энтузиасты из комсомольско-молодежного треста «Севергазстрой» и других трестов. Они прокладывали дороги, газопроводы, строили газосборные пункты, сооружали взлетно-посадочные полосы и причалы и утверждали, что именно они построили тот загадочный пятиэтажный дом. Я не верил, предполагая, что он просто нечаянно, по ошибке свалился сюда с неба. Энтузиасты входили в раж и горячились:

— Погоди, не успеешь глазом моргнуть, как мы тут целый город воздвигнем. Это будет такой город, такой...

И вот теперь, спустя три года, если бы меня спросили, что такое Надым, я бы, не задумываясь, ответил: это город молодой, современный, растущий. В нем уже трудно сосчитать дома, надо считать кварталы, в которых живет более тридцати тысяч жителей. Причем известная толика домов, пожалуй, явилась с неба, если учесть, что множество грузов перевозится авиацией (особенно с вводом в строй нового аэродрома, способного принимать тяжелые «Антеи» и «ИЛ-76»). Но все-таки большая часть деталей домов, конструкций, машин, запчастей, продуктов — в общем, всего, что требуется человеку для жизни и работы на целый год, приплыла по воде. В навигацию здесь принимается до трехсот тысяч тонн груза, и в разгар ее почти все население Надыма перемещается к причалам. Разгрузка идет днем и ночью...

Сейчас в Надыме успешно претворяются в жизнь весьма реалистичные замыслы ленинградских архитекторов, которые спроектировали город. Дома в каждом микрорайоне образуют как бы подкову, защищая от ветра все внутреннее пространство. В центре таких подков расположены школы, детские сады, поликлиники. Местные поэты уже обыгрывают дома-подковы в стихах.

Зря ль поверье такое
Придумал народ,
Что нашедший подкову
С нею счастье найдет?

Между прочим, Надым в переводе с языка ханты и означает Счастье.

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Марина Ядне, штукатур-маляр.

— Мороз нам нипочем!

Между рейсами.

На развороте вкладки: Надежда Гасюк из комсомольско - молодежного треста «Севергазстрой».

— Испекли мы каравай...

Кончились уроки.

МИННЕФТЕГАЗСТРОЙ
МИННЕФТЕГАЗСТРОЙ

КАК ТАМ, НА БАМе?

Сергей ВЛАСОВ

Фото автора

Уже третий год в строительстве Байкало-Амурской магистрали участвуют студенты МИИТа — Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Этим летом вместе с ними работал корреспондент «Огонька», сам недавний студент. Сегодня мы предлагаем читателям журнала его записи.

КВАРТИРЬЕРЫ. Их было двадцать. Они приехали сюда из Москвы за семь тысяч километров и построили город. Настоящий город — с домами-общежитиями, столовой, электростанцией, с баней, поликлиникой. Назвали город Ольдой. Всего три недели назад здесь было пустое место. Только пестрели на зеленой траве белые глазницы снега (хоть и шло дело к концу июня), да среди вековой диковинной тайги, поглаживая серые валуны, шуршала горная речка Ольдой.

●

В молодежном кафе.

Самая мощная компрессорная станция на трассе газопровода Медвежье — Надым — Пунга.

Девичьи новости.

Гостиница для строителей трассы.

Последние штрихи...

Какой же Север без собак!

Идут и идут плетевозы.

Окно в мир.

Столовая, общежития — с ними вопросов не было; а вот баня — может, обойтись без нее? Ведь добрую половину времени отнимет ее строительство. Спорили недолго: хорошо знали ребята, что такое настоящая баня после трудной, пропитанной потом недели. И когда уже после по округе разошлись слухи, что есть в Ольдое баня, много было до нее охотников, людей бывалых, видавших много бань на своем веку. А вот хвалили. И в самом деле, роскошной она получилась — с жаром, с березовым веничком, с запахом хвои, с ледяным ручьем у самого порога.

Баню назвали бестемьяновской — в честь одного из лучших строителей, Пети Бестемьянова.

ПРИРОДА. Говорят, медведей здесь на квадратный километр больше, чем людей. Не удивительно — трудно здесь живется человеку, суров этот край. Край крайностей. Если сопки, так уж подпирают небо. Если тайга, то непроходимые дебри. Если жара, то до изнеможения; палатка днем так раскаляется, что пироги можно печь. Если дождь, то на неделю, без просвета. А безлюдье — на двести—триста верст кругом.

И вот, когда ты впервые ступаешь — наконец-то! — на рельсы БАМа и видишь, что это обычная однопутка и что шпалы обычные — деревянные и насыпь обычная, понимаешь, что грандиозность магистрали даже не в ее трехтысячекилометровой длине. Ее величие осознаешь, глядя на бесконечное нагромождение гигантских сопок, тесно прижавшихся друг к другу. Одна за другой, одна за другой. Скалы. Скалы. Тайга, тайга, тайга. И так до самого океана. Среди этих громадин человек кажется затерявшейся крохой. С невысокой даже вершины и не разглядишь его. Но вот пришел он и начал строить. И раздвинулись сопки, и отступила тайга.

РАБОТА. День первый. На термометре — плюс тридцать. Солнце палит нещадно. Ни малейшего ветерка. Хочется в тень, подальше от этой изнуряющей жары, а здесь, на полотне железной дороги, от нее укрыться негде. Кажется, даже шпалы, черные, пропитанные едким креозотом, пышут жаром.

У тебя в руках тяжеленный молоток. Ты должен забивать им костыли. Первый удар — мимо. Второй удар — мимо. Третий — костыль отскакивает тебе в ногу. Благо ты обут в надежные ботинки с алюминиевыми носами. Снова наживляешь костыль и уже не без раздражения бьешь. Попал! Прямо по шляпке, оранжевой от ржавчины и так похожей — если смотреть сверху — на большую землянику. На треть костыль в шпале. Еще удар — и он безнадежно согнулся. Надо идти за лапой, чтобы его вырвать, и забивать новый.

На ладонях от молотка, как на дрожжах, зреют пухлые мозоли — не спасают ни рукавицы, ни пластырь, ни бинты. Вокруг тебя — рой надоедливых слепней и мух. Капля пота, упавшая с подбородка на раскаленный рельс, тут же испаряется, слизанная языком жары.

Ты снова колотишь непослушным молотком по непослушному костылю. Сколько их надо забить? Тысячу? Две? Сколько сможешь. А что это значит — сколько сможешь? Вон впереди тебя бригадир Серега Тизиков, рядом с ним Чевский, Карасев, Пушкин, Корчагин, Будекин. Они не первый раз в стройотряде, у них все получается быстрее и ловчее. Ты отстаешь, и тебе кажется, что уже больше не можешь — нет сил. Нет сил поднять над головой молоток, нет сил нагнуться, чтобы наживить костыль.

Ты шепчешь: «Все, вот последний, и все...» Ты забиваешь его и берешь следующий. За ним еще один и еще. Потому что знаешь: иначе просто нельзя. И каждый загнанный тобой костыль — это победа. Маленькая, но победа. Победа над самим собой.

СЧАСТЬЕ. После двух часов работы в пекле полуденного зноя оно заключается в очень простых вещах. Счастье — это когда с потрескавшимися на солнце губами, с языком, который переставляешь из одного угла пересохшего рта в другой, словно рашпиль, ты подходишь к холодному ручью, прирастаешь к нему всем своим существом и пьешь, пьешь, пьешь. И никакой силой не оторвать тебя от прозрачной прохлады ручья. Не способна на это даже рассвирепевшая мошкара, сплошь облепившая руки, голову, плечи.

Никогда не думал, что смогу выпить сразу полведра воды.

ПАВЛИК. Новичков в отряде много — большинство. Всем, конечно, трудно. И каждый преодолевает себя по-своему. Кто — молча, стиснув зубы. Кто — нарочито громко чертыхаясь. Павлик — так его называют все в отряде (белотелый, курчавый парень) — после каждого неудачного удара риторически восклицает: «Почему?!» Этот вопрос, произнесенный на разные лады, так и повисает над тайгой. Все ушли вперед, а он, словно нарочно, облюбовав один злополучный костыль, охаживает пространство вокруг него, превращая мелкие камни в горсточки серой пыли.

К Павлику подходит многоопытный Сергей Кондратьев. Смотрит на его неумелые телодвижения.

— Постой. Ты, кажется, не испытываешь никакого наслаждения от этой работы. А зря. Должен испытывать. Посмотри.— Он берет в руки молоток.— Замах. Разогнись и отпусти его, пусть сам летит на костыль, а ты смотри и любуйся. Заодно отдых дай мышцам. Красота! Только ее увидеть надо.

Костыль почти весь утонул в шпале. В самом деле красив сейчас Сергей.

— Ну, просёк? — спрашивает он Павлика.

— Просёк,— неуверенно отвечает тот.

— Главное, поверить в себя. Остальное приложится. А остальное вот в чем...

И «наставник» самым подробным образом объясняет премудрости этого непростого дела. Объяснив, уходит. А Павлик остается один на один с костылем. Кажется, урок пошел ему на пользу. Во всяком случае, горькие «почему» слышатся все реже и реже.

ГНУС. Трудно отыскать на свете что-либо гнуснее. Лишь только солнце начинает клониться к закату и, казалось бы, теперь — в прохладе — можно вздохнуть свободно, как тут же на смену жаре и слепням появляются тучи комаров, мошек и прочей мелкой жути, которая лезет в глаза, в уши, в ноздри, в рот и доводит до исступления — увидев на руке у себя эдакую гнусину, оправляющую прозрачную юбочку своих крыльев, ты уже готов в раздражении обрушить на нее молоток.

Сказать, что мошкары много,— значит ничего не сказать. От облака, вьющегося у тебя над головой, на землю падает тень. Через такую завесу можно не жмурясь смотреть на солнце. Стоит положить на рельсы молоток, и его светлая ручка через минуту становится темно-серой.

ПОДЪЕМ. Оклик дневального возвращает тебя из прострации мертвецкого сна к реальности. Неужели кончилась ночь? Ведь минуту или две назад ты с трудом запихивал в себя ужин — пальцы дрожали от дневного перенапряжения. Это было так недавно, что кажется, это еще продолжается.

Ну ладно, в сторону мистику. Надо вставать. Первое же движение причиняет боль. Спина чужая, ноги, руки чужие. Кажется, что сейчас не встать. Может быть, чуть попозже. Но надо именно сейчас. И ты встаешь, превозмогая боль и самого себя. Шнурки на рабочих ботинках можешь зашнуровать только мизинцем и большим пальцем — остальные не слушаются.

На линейке мастер отряда Саша Коновалов улыбаясь спрашивает:

— Ну как, тяжело? Знаю. Сегодня будет еще труднее, а завтра полегче. Через неделю совсем легко. Главное — эту неделю выдержать.

Мы ему верим...

КОММУНА. Рихтовка, разгонка, балластировка, подбивка — эти загадочные слова витают над нами везде: в столовой, в палатках, в грузовиках по дороге на работу. Что они означают, ведомо пока не многим. Но мы знаем: все это нам еще предстоит. Предстоит — и не однажды — пройти те же 15 километров той же ветки Бам—Тында.

Пройти... Веселое слово. Не очень-то оно подходит к нашей скорости — 300—400 метров в день...

Ширина колеи — 1520 миллиметров. Допуск — плюс два, минус три миллиметра. Ювелирная работа. Иной раз приходится перешивать рельсы, чтобы подогнать колею к этой жесткой норме. И так во всем: точность, точность и еще раз точность. Ибо, как уверяют знатоки, железная дорога не прощает ошибок.

Словом, работы много. А времени мало. И на общем комсомольском собрании ребята единогласно решили: работать по двенадцать часов в день. Это значит, в шесть подъем, в семь уже на «железке». И дотемна. Трудно. Но иначе нельзя — не успеем.

А заработанные деньги? Так же единогласно проголосовали за коммуну. Первый раз ты в стройотряде или четвертый, сильный ты или слабый, парень ли, девушка — все получают поровну. Правда, если хорошо работают. А если плохо? Для таких — «черный» список. Два раза в нем оказался — на три дня тебя ставят на особое положение: ты — вне отряда, на работу можешь ходить, можешь не ходить — все равно эти дни тебе не засчитываются.

Короче: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Суровый, но справедливый принцип стройотряда.

«БОЛЬНОЙ».

— Ты знаешь, я тут как-то провел дружеский диалог со своей совестью, и мы с ней решили, что мне надрываться совсем не стоит. А зачем? Если у нас коммуна и всем поровну, то за каким же лешим я буду выкладываться! Дураков здесь и без меня хватает. Я и решил — прикидывайся больным, слабым, и тебя трогать не будут. А эти пятнадцать километров все равно доделают и без меня. Вот уже третий день у меня что-нибудь да болит. То голова, то живот, то локоть...

Это Павлик. Сдержанным шепотом он проповедует своему приятелю. Темно, скоро отбой. Они курят, стоя возле дощатой сушилки, и не подозревают, что там кто-то может быть.

Когда об их разговоре узнал командир, он вызвал бригадира и спросил:

— Как он работает?

— Да так себе.

— Что же ты молчишь?

— Он ведь болезненный очень. Жалко вроде...

На следующий день о «болезненности» Павлика знали все семьдесят — такое за щекой не удержишь. Возмущались, хотели побить, но вовремя опомнились.

Три дня он числился вне отряда, но продолжал ездить со всеми на работу. Как он старался! Лез из униформы вон, рыл, что называется, землю — его не замечали. Вот тогда он и понял, что в дураках остался не кто-то, а он сам.

Уже на второй день его позора даже самые воинственные из нас поняли: бить, конечно, не следовало — на него и без того жалко смотреть, настолько сильно он подавлен отчуждением.

НАЧАЛЬНИК.

— Сегодня после обеда начальство приедет, — сказал бригадир.

— Сколько же их будет?

— Один, но от него все зависит — он нашу работу в конце будет принимать...

Ожидали почему-то хмурого, придирчивого, с портфелем и на легковой машине.

Иван Иванович приехал верхом на дрезине. Он был мягок и поотечески добр. Из-под форменной фуражки блестели ласковые глаза очень усталого человека.

— Вот здесь, ребятки, чуток поправьте... А так больше не делайте, прошу вас... Вот тут хорошо, в самый раз, а здесь придется немного переделать,— говорил Иван Иванович, проверяя нашу работу. И такое искреннее участие было на его лице. По-мальчишески радовался нашим удачам. Как собственное несчастье принимал наши огрехи.

Наверное, никогда еще с такой охотой мы не брались за инструмент. Уж для Ивана Ивановича (как будто и в самом деле это делалось только для него) хотелось выполнить все идеально, чтобы порадовать этого человека.

Каждого его приезда ждали с добрым нетерпением. Он приезжал в тельняшке и в неизменно чистой, светлой сорочке поверх нее, так что виднелся только маленький полосатый треугольник-«бабочка». Он приезжал, и становилось теплее на душе...

Жизнь бывшего моряка Ивана Ивановича Коробкова, ныне начальника дистанции пути отдела временной эксплуатации управления «БАМстройпуть», уже двенадцать лет связана с железной дорогой. Три из них отданы БАМу.

У нас он сегодня последний раз. Завтра приедет комиссия. Хотя он и знает, что вместе с нами ему отвечать за нашу работу, Иван Иванович спокоен. Он сидит, окруженный нами, на большом, поросшем мхом валуне и не спеша говорит:

— Хоть я вас все время и ругал, но вы молодцы. Даже не верится, что вы все это сделали сами, без нашей помощи. Ведь вы и не знаете, что мы обязаны были выделить вам своего мастера. А вы работали без него. Мы за вас беспокоились, а поделать ничего не могли: не хватает у нас мастеров...

КОМАНДИР. Как-то на утренней линейке завхоз отряда Женя Жиляев сказал:

— Ребята, в Аносовском (откуда нам привозили продукты) вчера ограбили магазин, и его на два дня закрыли. Поэтому завтра масла не будет.

— Как это не будет? Будет! — прогремел командир.— Достанем.

Уже потом я слышал от ребят:

— Ну, если командир обещал, значит, наверняка будет.

Действительно, назавтра и на другой день к завтраку подавали большие куски масла. Вроде бы мелочь, но на таких мелочах и держится доверие ребят к своему вожаку. А без него — без этого доверия — очень командиру тяжело, почти невозможно. Впрочем, и с ним Николаю Цебо было не просто.

От лагеря до Тынды, где находится начальство,— сто тридцать километров. Но каких! Даже в кабине могучего «магируса» за четыре часа бесконечные эти ухабы и рытвины всю душу из тебя вытрясут. И так по два раза чуть ли не каждый день: наряды, согласования, инструмент, запчасти, материалы и снова наряды. Голова пухнет! А эти поездки — лишь малая часть его большой работы.

После первого же курса Николай поехал в стройотряд, в Читинскую область. Не долго был рядовым — через полторы недели назначили бригадиром. На следующий год, под Архангельском, был уже мастером отряда. Теперь — командир.

Как-то я его спросил:

— Что ты считаешь главным в нашем успехе? (Об успехе говорить уже можно было: наш «Импульс» признали лучшим среди всех отрядов МИИТа, работающих на БАМе.)

— Главным? — Николай задумался.— Скорее всего то, что были в отряде ребята, на которых мог положиться, как на самого себя. Которым верил, как себе, и знал: что бы ни случилось, они не подведут.

СЕДЬМОЙ. Их только шесть. Только шесть ребят из всей бригады могут выполнить установленную нами же самими дневную норму по забивке костылей.

Забивать теперь умеют все. Четыре удара на костыль считается много. Когда вспоминаешь, как в первый день ты раз двадцать тюкал по нему, прежде чем он, избитый и покоренный, занимал положенное ему место, то невольно улыбаешься.

И все-таки их только шесть. Высокие, сильные, ловкие — богатыри! И среди них — Сергей Чевский. Чуть ли не самый маленький ростом в отряде. Добродушный, мягкий, всегда всем довольный, симпатично окающий (родом он из-под Вологды, из села Вожега), Сережа не может не вызвать такого же мягкого и доброго к себе отношения.

Но как он работает! Куда деваются его мягкость и добродушие и откуда только берется в нем злость, откуда берутся силы? Целый час — а то и больше — без остановки. Как заведенный механизм. Почти всегда на отшибе, уединенно, вдали от общих шуток и перекуров. Потом садится на корточки и тонким, до блеска заношенным ломтиком рельса, который всегда при нем, лущит косточки из компота — единственное наше лакомство в течение двух месяцев. А через минуту снова за молоток...

В тот день с самого утра шел дождь. Сначала маленький, и мы поехали на работу. Но не прошло и получаса, как сплошная стена ливня окружила со всех сторон. Промокли до нитки, а дождь не унимался. Да еще ветер. Стало ясно: надо возвращаться в лагерь. Бригадир послал за машинами, а нам велел собирать инструмент. Молотки постепенно утихли. Все, кроме одного. Продолжал работать Павлик.

Когда пришла машина, его звали трижды. Он прокричал: «Я остаюсь!»

Ветер с дождем бесновались весь день. Только они да еще гулкие удары его одинокого молотка — вот и все, что окружало Павлика. В девяти километрах от лагеря.

Привезли горячий обед, он наспех поел и снова принялся за работу.

Шофер Леха не выдержал и заорал:

— Кончай, чертов сын! Мне без тебя не велено возвращаться!

— Подожди немного, тут до нормы-то осталось...

— До нормы? — изумился Леха: он знал, что Павлик и близко к ней никогда не был.

Везти сегодня все равно было некого и некуда. Леха решил подождать и вскоре уснул в теплой кабине. Его разбудила тишина. Молоток смолк. Павлик шел к машине. Темнело.

— Неужели выполнил?

— Да.

— А не врешь...— Леха осекся, поняв, что спрашивает не то.

Ехали молча. На пол кабины с одежды Павлика стекала вода. Он сидел, уткнувшись в боковое стекло...

Утром — впервые за последние три недели — ребята здоровались с ним...

МЕЧТЫ. Вопрос (из анкеты, проведенной комиссаром отряда Наташей Клепицей после полутора месяцев пребывания ребят в тайге): «Чего бы тебе сейчас хотелось?»

Ответы:

— Яблока.

— Пройтись по старому Арбату.

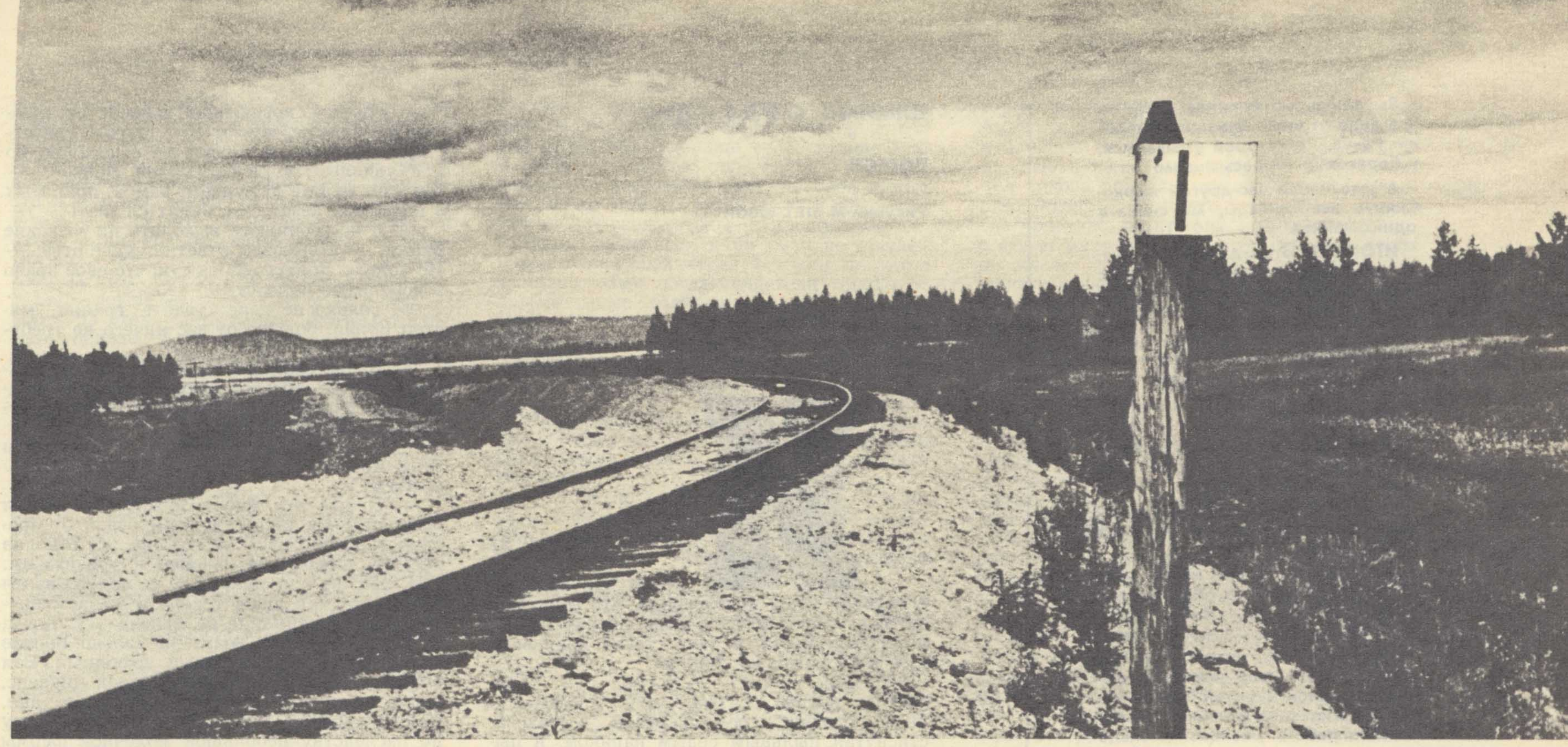
— Мороженого.

— Поспать в домашней постели.

— Домой, но чтобы через недельку опять сюда.

— А знаете ли вы, какие у меня мама компоты готовит?

ЗАМОРОЗКИ. Они начались в середине августа. Днем по-прежнему жарко, работаешь в майке, а то и без нее. Но стоит только верхнему краю солнца спрятаться за сопку, как тут же будто какой-то переключатель сработал: все кругом обволакивает холод. Ночью от него не спасают ни теплое белье, ни четыре одеяла, ни телогрейка, брошенная сверху. Утром, проснувшись, долго не решаешься перебраться из-под них в рабочую одежду, ставшую за ночь влажной. Рывком смахиваешь одеяла и ныряешь в брюки, спешишь надеть на себя все, что только можно.

Начало.

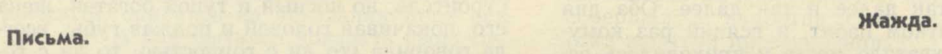

Жажда.

Работа.

Письма.

Выходишь из палатки — кругом все бело от инея. Лужицы замерзли. Речка, на которой умываемся, у берегов покрылась льдом.

А уже через час-другой жарко. Скинув все одежды, мы снова в одних майках.

ИТОГИ. До отъезда еще три дня, а наша работа уже принята с оценкой «хорошо». Только мы об этом не знаем.

— Не говорите ребятам,— предупредили в управлении командира,— а то работать не будут.

— Ладно,— сказал он, а сам подумал: «Будут!»

...Вечером в штабе отряда засиделись до поздней ночи, если не сказать, до раннего утра.

— Может, и правда не будут,— засомневался кто-то,— ведь устали все как черти.

— Знаю, что устали, но все равно никто дорогу не бросит,— настаивал командир.— Иначе грош цена всей нашей с вами работе...

Утро выдалось пасмурным. Небо от края до края заволокло одной сплошной скучной тучей. Но когда ребятам на линейке объявили, что работа уже окончательно принята и удостоена хорошей оценки, показалось, что всплеск восторга осветил и согрел — вместо спрятавшегося солнца — тайгу и сопки. Настолько силен был разряд многодневного напряжения. Настолько велика была радость общей победы. И это действительно была победа: не многие из наших соседей могли похвастаться тем же.

А дождь не прекращался.

— Тот, кто неважно себя чувствует или очень устал, может остаться в лагере,— объявил командир.

Когда прозвучала команда «По машинам!», через шаткие борта грузовиков, отвозивших нас на работу, перебралось столько же человек, сколько и вчера.

Почти все три дня не унимался холодный дождь. Но ни один из нас не сказал, по крайней мере вслух: «А зачем теперь-то работать, если дорога уже принята? Для кого это надо?»

Для себя — так думали многие, может быть, все. И, наверное, это был главный итог трудных наших двух месяцев.

В Москву уезжали с грустью. Как ни хотелось домой, какими тягостными ни казались будни, все же не без печали мы расставались с этим краем, для многих из нас ставшим местом боевого крещения, местом, где каждый проверил, на что он способен, и понял, прочувствовал собственной кожей, собственными ладонями, ставшими теперь сплошной мозолью, что такое по-настоящему работать.

Ведь это так важно в жизни — уметь по-настоящему работать.

...— Ну, а все же как там, на БАМе?

— Если одним словом — трудно.

— А если двумя?

— Очень трудно...

И все-таки в той же анкете на вопрос: «Поехал бы ты еще раз на БАМ?» — многие отвечали:

— Да.

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА 21

, однако, я думаю, все в глубине души подозревали, что отец знает, что́ делает. Когда все мы, перекусив, заняли свои места, в зале стояла непривычная, настороженная тишина.

— Ваша милость, — начал отец. Коренастый, крепко сбитый, он весь напружинился, словно перед схваткой, а голова, стиснутая пыльным седым париком, и пылающее лицо были грозны, как готовая взорваться бомба. — Обращаясь к присяжным заседателям, я намерен раскрыть кое-какие истины, которые могут вызвать у присутствующих ребяческий гнев, и я попрошу вас, ваша милость, позаботиться о том, чтобы их дурное поведение не помешало мне изложить свои доводы.

До этой минуты я мало задумывался о публике в зале суда: ну, собрались наши горожане, только и всего. А теперь я поглядел по сторонам и понял, что знаю здесь всех до единого и каждый из них тоже знает всех и каждого. Ведь в этом зале сидели и смеялись, потешались, слушали, вздыхали, шаркали, ерзали не кто-нибудь, а наши местные жители. Я знал, кто в каком доме живет, кто на ком женат, у кого какие привычки. Вот миссис Петерсон, жена советника, миссис Джефферсон, мистер Форсайт (городской садовник), Джек Синглтон, Боб Чолмерз, Эрни Адамсон, Белла Гудсон, Артур Дж. Сток (комиссионер), Клер Хеймл, старуха Тернер, почти совсем лысая, сестры Смит (всем известно, что у них общий муж), Фред Пауэр, Скотти Хэмилтон и так далее и так далее. Оба дня зал был битком набит, и всякий раз комунибудь не хватало места и приходилось оставаться за дверью. Если задуматься, я мог бы сказать о каждом из присутствующих, что он за человек: глупый или приятный, сплетник, молчун, набожный, злой, задира, лицемер, ограниченный, славный, порядочный, глубокий или просто личность заурядная, серенькая и неприметная. Но когда отец сказал о «дурном поведении» и я вспомнил, как враждебно встречал зал некоторые его слова, все равно я ни об одном из присутствующих в отдельности не мог бы сказать: вот он хочет, чтобы Джули Кристо повесили. А меж тем казалось, так настроены все, потому что всех их восстановил против себя отец. Судя по всему, нечего было надеяться, что кто-нибудь поддержит или поможет Джули, уж об этом-то отец позаботился.

— «Дурное поведение» зависит от адвоката не меньше, чем от всех прочих присутствующих, мистер Куэйл, — с досадой, но и с удивлением сказал судья Лейкер. — Пока вы будете держаться рамок, принятых в подобных делах, вас будут слушать.

— Я не собираюсь выходить ни за какие рамки, — с вызовом ответил судье отец. — Но должен предупредить суд, что свое право я использую полностью.

— Только не переступайте границ, мистер Куэйл, больше от вас ничего не требуется.

— Какие границы вы имеете в виду, ваша милость? Вы говорите о порядке, принятом в суде? Или об отклике наших горожан на мои слова?

— Я имею в виду порядок, принятый в суде, мистер Куэйл. И вы это прекрасно понимаете.

— Только это мне и нужно, — сказал отец, отделив таким образом судей от простых горожан, овец от козлищ. И, отделив нас, он повернулся наконец к присяжным.

И, так же как прежде я не задумывался о публике, так лишь теперь я по-настоящему обратил внимание на присяжных. Когда их отбирали, отец возразил только против троих: то были худощавый стройный Вэл Норрис, учитель музыки, цветовод Диккенс, человек суровый, адвентист седьмого дня, и Артур Фэншо, владелец доставшейся ему по наследству небольшой молочной фермы в долине реки, — он считался единственным в городе настоящим интеллигентом, и потому над ним вечно потешались. Мне сразу показалось странным, что отец их отвел. Обычно как раз таких людей он предпочитал в качестве присяжных. А теперь остались только присяжные того сорта, что вполне устраивал Страппа: дельцы, лавочники, состоятельные фермеры, два католика и аптекарь. Джон Н. Эндрюс, которого Норма уже прилюдно обличила, был не только известный в городе неудачливый бабник, но и коммивояжер по продаже сельскохозяйственных машин. Джек Джоунз — владелец местного гаража (по слухам, он умирал от туберкулеза). Питер Нэйрн — фермер с бычьей шеей по прозвищу «Нэйрн-бык»; впрочем, прежде его звали «Нэйрн-бешеный»: в молодости он был отчаянным парнем и, как сумасшедший, гонял на мотоцикле. Самым старшим среди присяжных был Уильям Стенли из фирмы «Стенли и Компания», она строила солидные кирпичные дома для богатых горожан и деревянные коробки для фермеров, которые еле сводили концы с концами. Он был хороший строитель, но косный и тупой богатей, жена его, покачивая головой и поджав губы, всегда говорила (то ли с гордостью, то ли с горечью — этого мы никогда не понимали): «Он в жизни не прочел ни одной книги». Подозревали, что на самом деле он глотает книгу за книгой, но втихомолку, стыдится своего пристрастия: ведь читают только бездельники, это пустая трата времени...

Да, состав присяжных был совсем не тот, какого, на мой взгляд, должен бы добиваться отец. Я мог заранее сказать о каждом, на чьей он стороне, — уж, конечно, не на нашей.

— Прежде всего я разделаюсь вот с этой загадкой, — сказал отец и показал на лежащий перед секретарем суда длинный нож. — Я объясню суду, каким образом была убита миссис Кристо. Вечером двенадцатого сентября миссис Кристо оставила на столе в кухне пирог для сына; поздно ночью он вернулся с танцульки и, стоя у стола, начал резать пирог вот этим страш-

Окончание. См. «Огонек» №№ 35—48.

ным ножом, и тут в кухню вошла мать. Он услыхал ее не сразу, а услыхав, обернулся, все еще с ножом в руках. Как мы слышали здесь от мисс Майл, миссис Кристо имела обыкновение заключать сына в объятия, часто в минуты, когда он этого совсем не ждал, — и на этот раз он хотел уклониться от ее ласки, подался назад, а она, не заметив ножа, кинулась его обнимать и напоролась на нож. Вот как ее настигла смерть...

Быть может, если бы отец строил всю защиту на этом объяснении, оно бы сейчас всех убедило. Но он говорил как бы между прочим, словно теперь это уже не имело значения. Наступила короткая тишина, потом люди зашевелились, зашаркали ногами. А потом по залу из конца в конец прокатилась волна язвительного смеха, и отцу пришлось ждать, пока не восстановят порядок.

— Смейтесь, смейтесь! — свирепо сказал отец, когда его могли уже услышать (но я понимал: смех этот не был для него неожиданностью). Дураков, которые смеются над правдой, всегда хватает. Он обернулся к присяжным и гневно бросил им в лицо:— Но я предупреждаю присяжных: их дело слушать не хихиканье здешних болванов, а меня...

Господи, подумал я, что же он делает: чем дальше, тем хуже.

— Никто не видел, как была убита миссис Кристо, — продолжал отец среди шума и призывов к порядку. — Тем самым объяснение, которое я дал суду, имеет такую же силу, как то, которое предложил обвинитель. Даже бóльшую, поскольку оно и есть правда. И присяжным надлежит слушать правду. А не вот это... — он круто повернулся к публике,— ...вот это кудахтанье, гогот, дурацкий, злобный вой, который все время слышен здесь в зале и все двадцать лет сопровождал Джули, заставлял его страдать и мучиться...

— Вы не можете обойтись без этого, мистер Куэйл? — устало спросил Лейкер, словно пытаясь уберечь отца от его собственного безрассудства.

— Я ведь уже говорил, ваша милость, что в суде имеет значение узаконенный порядок, а не насмешки и выкрики безответственной публики...

— Ну, хорошо, хорошо...

— Позволите продолжать? — с подчеркнутой учтивостью спросил отец.

Лейкер в отчаянии покачал головой и повторил:

— Ну, хорошо. Делайте свое дело.

— Я уже рассказал присяжным, как была убита миссис Кристо. Но как я могу это доказать, опираясь на показания моих свидетелей? А как пытался доказать свою точку зрения обвинитель, на какие свидетельские показания опирался он? — Отец взял потертый, обтрепанный свод законов и поднял его. — Обвинитель опирался на то, что называется mens rea — состояние духа обвиняемого. Свидетели обвинения пытались доказать, что у Джули было преступное намерение, а значит, он совершил умышленное убийство. Только на этом основании прокурор и утверждал, что обвиняемый совершил убийство. Так вот, в этой книге полным-полно прецедентов и сходных примеров mens rea в десятках уголовных преступлений, начиная с незапамятных времен. — Отец бросил книгу на стол. — Но в нашем случае mens rea не имеет ни малейшего отношения к делу. А почему?

Дрожащим от волнения пальцем он указал на Джули.

— Потому что нам надо исследовать не состояние духа этого юноши, а состояние духа некоего города, города, который создал самое это чудовище — состояние духа и желает, чтобы оно теперь пожрало юношу — состояние духа, которое измыслил обвинитель, и лишь на нем одном построил все свои доводы. И прошу заметить, господа присяжные, я ни разу не прервал измышления обвинителя. Ни разу не запротестовал, даже когда свидетели делали оскорбительные заявления в адрес Джули Кристо. Я хотел, чтобы обвинитель, и город, и присяжные, и все прочие в полную силу ополчились против Джули Кристо. Я хотел, чтобы все вы обрушили на его голову всю хулу, на какую вы только способны, и наконец услышали самих себя, ибо, повторяю, нам следует здесь обсуждать не состояние духа Джули Кристо, а состояние духа этого города.

— Коли не по вкусу наш город, так катись восвояси, откуда явился, хоть в преисподнюю! — крикнул из зала ярый австралийский патриот Тим Хэзлит, закадычный друг Джо Хислопа.

— А почему бы и нет? — загремел в ответ отец. — Преисподняя, сэр, есть некое сообщество. А этот город при его нынешнем состоянии и поведении не достоин даже и такого названия. Этот город — источник несчастья Джули Кристо, из-за этого города попал он на скамью подсудимых, город виноват в том, как беспощадно и жестоко с ним обращаются наши звероподобные граждане, которые жаждут учинить над ним расправу.

Отец ждал возражений. Конечно же, он хотел, чтобы ему возражали. Но на этот раз в зале слышался лишь приглушенный ропот, и тогда он подбоченился, словно только теперь-то и приступал к делу.

— Что ж, — тоном обличителя обратился он к присяжным, — вы, наверно, думаете, я вас оскорбляю. Вы думаете, вот заявился к нам из своей Англии, наша страна его терпит, наш город приютил его семью, и он еще смеет нас поносить. Выкиньте этот вздор из головы, с таким же успехом я мог бы свалиться к вам с луны, или, если угодно, считайте меня исчадием ада...

— Мистер Куэйл.— Судья Лейкер постучал по столу. — Позвольте спросить вас еще раз: вы никак не можете обойтись без этого?

— Я просто говорю присяжным, чтобы они не старались прикрыться своей неприязнью ко мне, кто бы я там ни был. Дело не во мне. Дело в том, каков этот город и как он довел этого юношу до того, что ему грозит смерть за преступление, которого он не совершал, а, напротив, сам с младенчества стал жертвой преступления.

На этот раз отец обеими руками указал на Джули, и Джули, представший перед нами в совсем уж романтическом свете, бледный, как никогда, уже слишком втянутый в происходящее, чтобы отгородиться отрешенным, невидящим взглядом, казалось, наконец-то прислушался, словно все это обрело для него какой-то смысл. Он замигал, а мигал Джули лишь в тех случаях, когда что-то привлекало его внимание или причиняло боль.

— Вот он, ваш преступник, — говорил отец, театрально простирая руки в сторону Джули. — Это вы привели его сюда. Вы обвинили его в одном из самых страшных преступлений, какие известны человечеству, — в матереубийстве. Но, уважаемые господа, если только можно вас так назвать, истинное преступление, которое должен бы рассматривать сегодняшний суд, начало совершаться двадцать лет назад, когда миссис Анджела Кристо приехала в наш город с младенцем на руках и сразу же о ней и о ее сыне пущена была преступная сплетня.

А какова правда о миссис Кристо? Известно только одно: никто не знал, ни откуда она приехала, ни кто она, ни что произошло с отцом мальчика. Мы и по сей день этого не знаем. Знаем лишь, что она принадлежала к евангелической секте, держала пансионеров — членов той же секты — и воспитывала сына очень нежно и заботливо, хотя в глубоком невежестве, потому что боялась, как бы он не вырвался из оков веры, в которых сама она отчаянно нуждалась, ибо только они служили ей надежной защитой.

Каким же вырастает этот мальчик — Джули Кристо? Каков его характер? Каково поведение? Как он живет? Почти все мы видели в нем всего лишь тощего, плохо одетого паренька из библейского квартала; видели, что он очень замкнутый и, похоже, знает о своем странном происхождении; мальчиком он никогда не преступал строгих правил, в которых был воспитан, и в конечном счете только и сумел стать поденщиком на самой черной работе, грузчиком и уборщиком в конюшнях. Таким мы его видели, таким себе и представляли. Но давайте взглянем, таков ли истинный Джули Кристо, который сидит здесь перед вами, перед этим австралийским судом, обвиненный в убийстве родной матери и бог знает в чем еще.

Отец свирепо глядел на присяжных, словно ждал, что с ним заспорят.

Но никто ему не возразил, и, кажется, разочарованный этим, он продолжал:

— Так вот, скажу вам сразу, господа: тот, каким вы его представляли и чей портрет прокурор обрисовал такими безжалостными красками, вовсе не Джули Кристо, которого вы видите сейчас перед собой. Нет, уважаемые! Нет, нет и нет! Джули Кристо совсем не то, что вы себе представляете, истинная его сущность глубоко скрыта от глаз, и мне придется рассказать вам, каков же он на самом деле...

Отец поправил парик, театрально помолчал.

— Перед нами юноша, пожалуй, самый необыкновенный и самый талантливый из всех, кто родился и вырос в этом городе, юноша, чей выдающийся ум нуждался для своего развития, как сказала Бетт Морни, в иной обстановке, в ином окружении. Я мог бы привести сюда десяток свидетелей — друзей, соучеников, учителей и многих других, чтобы показать, как необычайны, как замечательны способности Джули Кристо, какие неисчерпаемые богатства таит он в себе. Я вызвал лишь одну девушку, Бетт Морни, понимая, что ее слова достаточно — оно стоит показаний всех прочих свидетелей.

— Ну и что? — крикнул кто-то.

— А-аа... Ну и что? Ну и что? — прямотаки пропел отец в восторге от этого вызова. — Отличный, прямой, толковый австралийский вопрос. Ну и что? Так вот, я рассказал вам еще не все, и вопрос ваш не останется без ответа. Настоящая история истинного Джули Кристо началась, когда лет шесть назад он подобрал во дворе полицейского участка испорченный аккордеон. Без чьих-либо объяснений, без чьей-либо помощи он сам выучился играть на этой незатейливой гармонике так, словно то был настоящий музыкальный инструмент. Он не только самостоятельно овладел аккордеоном, но в первые же недели открыл в себе порази-

ОТРЕШЕННЫЙ

тельный дар музыканта, о котором прежде, по-видимому, и не подозревал. Некоторое время спустя мальчику подарили банджо. И снова без объяснений, без помощи со стороны он овладел им чуть не за одну ночь, как овладевали любым инструментом все великие музыканты. И на банджо Джули Кристо играл так, словно то было не банджо, а своего рода пятиструнное фортепьяно или клавесин. А почему? Потому что в доме Кристо фортепьяно не было и у Джули не было никакой надежды его достать. Спустя еще некоторое время он одолжил несколько разных инструментов в джазе Билли Хики и опять без объяснений и помощи со стороны за несколько месяцев не только овладел ими, но проявил такое понимание музыки, какого от него не ждал никто, кроме тех, кому он уже играл или с кем играл. В сущности, настоящий его талант проявился именно в этом, ибо разные инструменты и сам джаз привлекали его не столько тем, что тут можно было играть, сколько тем, что из собственного опыта он черпал новое знание музыки, ее законов и возможностей. И, как сказал Билли Хики, музыкант он был выдающийся, с легкостью постигал основы и всю сложность музыкальной композиции, огромный этот дар был заложен в нем от природы, пока его вело просто чутье, но в каких-то иных обстоятельствах, в ином окружении он мог бы принести богатейшие плоды.

Отец высморкался — привычку таким образом прерывать речь для пущей выразительности он перенял у Страппа, но сейчас, кажется, он и сам был взволнован своими словами. На этот раз зал молчал сочувственно, и на какой-то миг во мне вспыхнула нелепая надежда: вот, наконец, он начинает перетягивать всех на свою сторону. Но не успел еще он сунуть платок обратно в рукав, как снова заговорил на английский лад, презрительно и словно обличая, что так ненавистно всем австралийцам:

— Почему же этот талантливый юноша оказался на скамье подсудимых, обвиненный городом в убийстве родной матери? Почему постигла его столь тяжкая беда?

Отец обвел взглядом присяжных, судью, Страппа, зал, потолок — он не спешил продолжать.

— Сейчас я вам скажу, почему это случилось, — наконец заговорил он снова. — Потому что весь город, вся страна ровно ничем ему не помогли, а только и сумели привести его на скамью подсудимых и судить за убийство.

Поднялась буря протестов, и я совсем отчаялся: нет, не сумеет он сделать то, что надо. На этот раз он зашел слишком далеко.

— Повторяю. Его могли только задушить и убить! — закричал отец, перекрывая шум. — Что еще мог ему предложить этот город? — Ему приходилось кричать, не обращая внимания на помощь блюстителя порядка, на стук судейского карандаша по стене, на топот ног, словно утихомирить зал мог только он сам своими яростными словами. — Слушайте меня! — гремел он, обращаясь к присяжным. Его лицо истого англичанина побагровело, он весь кипел. — Слушайте и бога ради научитесь хоть чему-то...

Зал понемногу утихал, точно железная клетка, полная разозленных, рычащих, ждущих своего часа тигров.

— Публика шумит и насмехается, а? — сказал отец и, не глядя, махнул рукой назад. — Но я спрашиваю вас, какая судьба ожидает в нашем городе мальчика, который родился в доме, где вера столь неглубока, что от греха спасаются лишь невежеством и фанатизмом. Какая судьба его ожидает, спрашиваю я вас? И не пытайтесь отговориться тем, что дом Кристо не такой, как все. Невежество и фанатизм достались в наследство каждому австралийскому городу, каждому городишке. Так нам угодно защищаться от всего, что нам непонятно, от всех, кто не отвечает нашим привычным представлениям.

Он снова порывисто взмахнул рукой, указывая на Джули.

— Этот юноша вырос в доме, где не знали ни книг, ни музыки, ни театра — никакой культуры. Это уже само по себе худо. Но есть ли во всем нашем городе хоть что-то, что помогло бы талантливому мальчику из бедной семьи приобщиться к книгам, к музыке, к культуре? Найдется ли здесь, в Австралии, в тридцатые годы нашего века хоть один город, о котором можно было бы сказать: вот город, обладающий какой-то культурой, тут культурой интересуются, ею дорожат, в ней хотя бы испытывают потребность. Есть хоть что-нибудь подобное?

— Ничего! — отозвался негромкий детский голосок; это сказала мисс Улрич, которая держала у себя на застекленной веранде, без всяких клеток, пятьдесят попугайчиков. Впрочем, еле слышное это признание вызвано было не столько желанием поддержать моего отца, сколько обидой на все суды из-за ее птиц.

Все же отец ухватился за эту поддержку.

— Совершенно справедливо, мисс Улрич, — сказал он. — Ничего у нас нет. Мы город невежественных, отсталых, жалких зубоскалов, и всех отличает одно общее стремление поносить друг друга. В нашем городе полно людей, которые полагают, что настоящий австралиец не тот, кто хочет дать образование нашим талантам, но выпивоха, пивная бочка, золотоискатель, вояка из колониальных войск, пустобрех, враль, первопоселенец из глухомани. Эдакий Джо Хислоп! Все это легендарные и смехотворные герои Генри Лоусона, Бенджо Патерсона и прочих фантазеров-рифмоплетов, создавших эти давно отошедшие в прошлое характеры.

Взрыва протестов не последовало: к этому времени мы, кажется, уже на все махнули рукой.

— Какая ложь! — продолжал отец. — Какими ослами они нас выставляют: ведь в глухомани живет меньше трех процентов австралийцев, а девяносто процентов в глаза не видали первопоселенцев, никогда не седлали коня, никогда не кипятили воду над костром в походном котелке. Австралийцы — горожане, а не дикари из необжитых краев. Зачем же нам брать пример с толстокожего Джо Хислопа? Почему мы не взяли за образец человека, в котором воплотилось все лучшее, что заложено в нас: красота и традиция глубокой городской культуры, а не грубость и неотесанность скотовода из захолустья?

— Да отвяжитесь вы от Джо! — крикнул кто-то из зала. — Он же ничего вам не сделал.

— Конечно, он ничего мне не сделал. И я вовсе не виню Джо ни за то, в каком положении оказались мы с вами, ни за Джули Кристо. Мне его жаль. Джо не виноват в своем невежестве. Я и не ждал, что он знает, кто такой Бах или Гайдн, Джо знает другое — про лошадей и про пиво. Такая у него работа. Но все прочие должны бы это знать, потому что в этом наше будущее, и не должна культура наша остановиться на уровне бедолаг-сезонников, полуграмотных скотоводов и захолустных краснобаев.

Отец уже не мог устоять на месте и принялся ходить взад-вперед, чего с ним прежде не бывало. Походил и снова обратился к присяжным, произнося слова подчеркнуто на английский лад:

— Так вот, господа, я поясню вам две стороны дела, которое мы сегодня слушаем, и на этом кончу, так что вы сможете отправиться домой есть сосиски. — Он нагнулся над столом, передвинул какие-то книги, поднял и показал присяжным штук шесть ученических тетрадей, в которых Джули записывал свою музыку. — Видите? — спросил он.

Я-то знал, что это такое, но остальные не знали, и кое-кто поднялся, чтобы видеть лучше.

— Это старые, исписанные школьные тетради, — сказал отец. — В них всякие упражнения, давно забытые стихи, простейшие задачи по математике. Но поперек каждой страницы идут совсем иные записи.— Отец помахал тетрадками. — Записи, которые наш город не поймет и не оценит, ибо пока у нас еще нет возможности считать это частью нашей городской жизни. В этих старых тетрадях особым образом записаны сложнейшие музыкальные партитуры — сочинения Джули Кристо. Это сочинения нашего Палестрины, нашего безвестного Вивальди, Моцарта, который оказался среди нас...

Он бросил тетради на стол, и на этот раз в зале стояла тишина, все глаза были прикованы к Джули, а он сидел на скамье подсудимых, скрестив руки, стиснув локти пальцами, белый как мел, и в лице его были ужас и отчаяние. Внешний мир наконец пробил его защитную скорлупу.

Теперь отец взял со стола аккуратно обернутую книгу, я узнал ее, была она читанная-перечитанная, одна из тех, которыми он больше всего дорожил в своей библиотеке.

— И вот, господа, мое последнее слово. Вот книга. В ней два великих произведения искусства. Одно — «Фауст» Кристофера Марло, нашего великого английского драматурга, и другое — «Фауст» Гете, немецкого поэта и философа. В обоих одна и та же история — история о том, как молодого немецкого ученого, доктора Фауста, искушал Мефистофель, он же дьявол во плоти.

Если вы знаете эту историю, если слушали оперу, — весьма сухо говорил отец,— вы помните, что Фаусту предложены все соблазны богатства и культуры, а также чистота и совершенство непорочной Маргариты, а в обмен он должен продать душу дьяволу. Суть в том, друзья мои, что дьявол предлагал Фаусту не только радости плоти, но и все великолепие ума. И как раз возможности, которые открывались перед его умом, а не плотские соблазны склонили его продать свою душу.

Но где все это происходило? В каком городе? На каком материке? В какие времена? В поисках жертвы, достойной искушения, дьявол избрал место, где искушение умом могло завлечь, где классическая красота была желанна. Он должен был найти культурного человека в культурном городе, там, где знали цену культурному наследию человечества и умели им дорожить. И он нашел такое место — Лейпциг, Германия, шестнадцатый век нашей эры.

А теперь посмотрим на наш город, на Сент-Хелен тысяча девятьсот тридцатых годов. Вот перед нами, — отец указал на Джули, — человек, в котором заложены такие богатства, что дьявол вполне мог бы счесть его достойным искушения. Дьяволу стоило только приблизиться к Джули Кристо и сказать: «Я могу предложить тебе все, чего недостает этому городу. Я помогу тебе полностью, во всем блеске раскрыть твой огромный музыкальный дар. Я обещаю тебе, что искусство твое достигнет совершенства и будет известно всему свету. Я распахну перед тобой все тайные двери, которые закрыты для тебя сейчас в этом городе и в этой стране. Я сделаю твою жизнь богатой и полной, ибо расцветет скрытый в тебе гений. И взамен прошу немногого: когда эта щедро наделенная успехом и радостью жизнь подойдет к концу, отдай мне свою душу...»

Он бросил книгу на стол, словно она жгла ему руки.

— Но дьявол не пришел в наш город искушать Джули Кристо, дорогие мои сограждане-австралийцы. Не станет он зря тратить время. Никогда еще не забредал он в такую даль. Такова уж наша судьба. Мы недостойны его внимания. Ибо нас не прельщают соблазны разума. И даже загляни он ненароком в наш город и зазвени над ухом у нас мешком, полным этих прекрасных радостей, он легко потерпел бы поражение — не потому, что столь крепка наша добродетель, но потому, что мы насмехаемся над его дарами и по невежеству неспособны оценить радости разума.

Отца словно подменили, он повернулся, оглядел сидящих в зале и лишь потом снова обратился к присяжным.

— Я пытался показать вам, — медленно, раздельно заговорил он, — почему этот юноша очутился на скамье подсудимых. Будь Джули Кристо обыкновенным мальчиком из солидной, состоятельной семьи, будь он сыном кого-либо из вас, господа, пришедших его судить, будь он благонравный, заурядный, ничем не выдающийся, достаточно толстокожий юнец, который готовится

стать лавочником, дельцом, фермером, адвокатом или ремесленником, при подобных обстоятельствах никому бы и в голову не пришло его обвинить. С его любящей матерью произошел несчастный случай — вот что сразу же вполне естественно и логично подумал бы каждый.

Но этого юношу вы осудили еще до того, как случилось несчастье. У него был талант, который не мог проявиться, так как он жил в нищете, и вы прозвали его чокнутым. Вы не могли его понять и потому насмехались над ним. Он не укладывался в рамки привычных вам условностей, ваших дурацких нравоучений и вашего зубоскальства, и вы обвинили его в убийстве, для вас это было вполне естественно.

Но можете мне поверить, господа, до тех пор, пока наш город и наша страна не научатся принимать вот такого Джули Кристо как нечто свое, неотъемлемое, до тех пор, пока люди с талантом Джули будут казаться нам чокнутыми, до тех пор, пока вместо того, чтобы высмеивать Джули, мы не станем восхищаться им и одобрять его, до того дня, господа, когда сам дьявол сочтет, что сто́ит нас посетить, до тех пор мы будем всего лишь никчемным, пустым, невежественным обществом, которое в культурном отношении поднялось не выше бедолаги-сезонника и питает душу пустыми ребячливыми мечтами да хвастливыми байками стригалей.

Вот и все, ваша милость, что я могу сказать в защиту Джули Кристо. Судить следует не mens rea этого юноши, а mens rea этого города. Такова наша защита, и к этому мне нечего прибавить. Обвинять следует не Джули Кристо, а узость, невежество и средневековые предрассудки, которые посадили его на скамью подсудимых по обвинению в убийстве.

Отец опустился на свое место, а в зале все не слышно было ни звука, и я этого не понимал. Я ждал: вот сейчас разразится буря. Но тишина длилась, и я боялся шевельнуться: вдруг она рухнет? Вдруг от малейшего моего движения может пробудиться грозный вулкан? Наконец в зале задвигались, стали откашливаться; мы ждали, когда придет время подобрать то немногое, что осталось после крушения от наших призраков — от нас, какими мы себя воображали, и теперь я следил за Страппом, которому предстояло произнести заключительную речь.

Бедняга Страпп! Мне стало его жаль. Он всегда прежде всего опирался на факты, тогда как мой отец славился своей изобретательностью, и хотя Страпп, вероятно, по-прежнему был уверен в победе, противостоять оглушительному красноречию отца с помощью улик и фактов сейчас было нелегко.

— Ваша милость, — начал он, и, казалось, даже голос не вдруг ему подчинился, пришлось опять и опять откашливаться. — Я не стану пытаться отвечать на доказательства защитника столь же достойной речью, ибо защитник вообще не привел нам никаких доказательств...

Некоторое время Страпп топтался на одном месте, но потом как будто все-таки выбрался на единственно разумный путь. Он повторил доводы, которые уже приводил вначале. Напомнил нам улики, попросил присяжных вспомнить, что произошло с доктором Хоумзом, и, наконец, заявил, что в смерти миссис Кристо повинен человек, сидящий на скамье подсудимых, независимо от того, кто он такой: гений ли, Моцарт или Фауст, которого мы не сумели разглядеть. Правда реальна, сказал он, тогда как невиновность — плод богатого воображения. Улики, подтверждающие состояние духа подсудимого в пору, когда был нанесен удар, подтверждают его виновность, и обвинение основывается не на фантазиях, а на фактах.

Но после выступления отца речь эта была слабовата и особого впечатления не произвела, хотя Страпп старался, как мог. На высоте оказался и судья Лейкер, когда напутствовал присяжных, слово его было коротким, и говорил он о том единственном, что действительно оспаривалось сторонами, — о состоянии духа подсудимого. Обвинение, указал он, полагает, что именно здесь заключен ответ. Либо у Джули Кристо было преступное намерение, когда нож вонзился в сердце миссис Кристо, либо этого намерения у него не было. Либо то было предна-

меренное убийство, либо несчастный случай. Улики, приведенные обвинением и защитой, доказывают либо виновность, либо полную невиновность. Середины тут нет. Несмотря на длинный урок нравственной ответственности, который преподал нам защитник, и длинный перечень наших недостатков, подлинное мерило истины в этом деле не будущее Австралии, а виновность или невиновность подсудимого, истинное состояние его духа...

Затем был объявлен перерыв, а присяжные удалились, чтобы вынести решение. Им мог понадобиться час, день, неделя — это знал я, знали все присутствующие, и однако все остались на своих местах, только судья Лейкер отправился к себе в кабинет, чтобы вволю хлебнуть коньяка из обтянутой кожей фляжки. А мы ждали. Шаркали, перешептывались, подталкивали друг друга локтями и спорили. Казалось, не прошло и пяти минут, а на самом деле минуло около получаса — и вот раздался возглас: «Суд идет». Судья Лейкер занял свое место, присяжные передали бумагу со своим решением секретарю суда, тот вручил ее судье, судья молча прочел и вернул секретарю, чтобы тот прочел его нам — громко, раздельно, бесстрастно, как оно и полагается.

— Решение присяжных по делу Король против Джулиана Кристо: «Не виновен».

ГЛАВА 22

Годы уже давно стерли воспоминание о поистине опасных страстях, которые разыгрались в тот день, и решение суда навеки погребено в забытой истории тех трудных, гнетущих и, однако, все же довольно невинных времен. Но повесть о Джули, нашем австралийском Фаусте, на этом не кончается. В сущности, подлинная трагедия его жизни была еще впереди, и так же, как раньше я был единственным свидетелем многого из того, что с ним происходило, мне и теперь одному суждено было увидеть, что стало с ним дальше.

После суда нам еще предстояло все обсудить дома; предстояло спорить с отцом из-за его безжалостного обличения Австралии, которая ко всему совершила столь непростительную ошибку: не стала Лейпцигом шестнадцатого века. Но самое главное — нам предстояло понять, почему этим присяжным, истинным австралийцам, заправским дельцам, лавочникам и фермерам, которых только что оскорбили, запугали, разнесли в щепы все, во что они верили, — почему им потребовалось всего полчаса, чтобы вынести до неправдоподобия неожиданное решение: «Не виновен».

— Такова была внутренняя логика дела,— твердил отец во время спора, который шел за обедом в нашей семье (во всем городе не было дома, где об этом бы не спорили за семейной трапезой, только наша семья была осведомлена лучше других).— Никакие доступные мне факты и улики не сняли бы с Джули обвинения в убийстве, потому что все они были ничуть не убедительней тех, которые привел обвинитель. Ведь в чем главная беда? Все, что нам известно и что тянулось годами — сплетни, толки, поведение самого Джули, — все это лило воду на мельницу обвинителя, и Страпп поступил очень умно, построив на этом обвинение, а мне оспаривать факты было бессмысленно.

Надо было круто повернуть, перейти в наступление, ударить по городу, возложить вину на него, обвинить молчаливых обвинителей — только так я мог заставить их изменить мнение о Джули. Важно было не что я сумею доказать, но что скажу. Важно было не убедить присяжных, а безжалостно их пристыдить.

Однако это не объясняло, почему наши толстокожие австралийцы-присяжные, наши дельцы, лавочники и владельцы гаражей, которые всерьез верили во все свои выдумки, пошли против самих себя и признали правоту отца, тогда как по всему они должны бы обозвать его заносчивым выскочкой-англичанином и в ярости объявить, что он неправ.

Годами я ломал голову над их решением и все не мог разгадать эту загадку, я уже давным-давно не жил в Австралии, в сущности, расстался с ней навсегда, и, лишь ненадолго приехав туда навестить стариков родителей, понял, наконец, что же произошло в тот неправдоподобный день. Уже в первые минуты разговора с отцом я уловил чуть заметную австралийскую интонацию, которая прорывалась в его строгой английской речи. Я не сказал ему об этом: он наверняка горячо заспорил бы, а в преклонном возрасте горячиться нездорово. Но до меня вдруг дошло, что отец не только стал с годами, но всегда был куда больше австралийцем, чем полагал сам.

В тот далекий день он поймал в нравственную ловушку сложное самосознание австралийца, которое таилось где-то в самых глубинах нашей национальной сути и отчаянно пыталось прорезаться. В ту пору культура наша состояла еще из остатков нашего колониального прошлого, у нас только и было, что отголоски английского наследия, от которых мы окончательно так никогда и не избавились, разрозненные клочки неусвоенной традиции. Даже легенды, рожденные австралийской глухоманью, о которых так пренебрежительно отозвался тогда отец, прославляли вольного парня, рожденного в Англии и из Англии изгнанного. И, вместо того чтобы, как прежде, духовно насыщать нас, старые эти легенды понуждали нас оставаться все теми же коннозаводчиками и табунщиками. Должны были пройти еще лет тридцать, война, должно было смениться поколение, а то и два, чтобы возникла наконец иная культура — без лошадей, без новичков-колонистов, без колониальных солдат.

И эту-то культуру предчувствовал и провидел отец. Он разоблачил это привычное представление об австралийце, как неудачную выдумку, но разоблачил как раз потому, что был куда больше австралийцем, чем сам подозревал. И вот на это, думаю, бессознательно отозвались наши присяжные, хоть и не в силах были сделать ни шагу дальше по этому пути. Они хотели чего-то лучшего, а чего, не ведали.

Итак, Джули вышел из зала суда свободным человеком, и когда в тот победный вечер я спросил отца, как же он убедил Джули рассказать ему о смерти матери, ответ меня ошеломил:

— А я и не убедил. Он ни слова об этом не сказал.

— Откуда же ты узнал, что там произошло?

— Ничего я не знал. Но если знать Джули, это было логическое объяснение случившегося.

— И так же с доктором Хоумзом?

— То есть?

— Ты все грозил, что спросишь о нем самого Джули, как будто знал, что он скажет о Хоумзе.

— Я лишь предположил, что сказал бы о нем Джули, если бы согласился говорить, вот и все.

— То есть ты не заставил бы его давать показания?

— Ни в коем случае. Но ведь никто этого не знал, не так ли, — прибавил отец и не без изящества взмахнул своими отнюдь не изящными руками.

— А про тетрадки — неужели это он сам тебе рассказал?

— Нет. Ты рассказал, — ответил отец. Он даже не улыбнулся, он отвечал так, словно это было его правом и долгом — спокойно поведать о тайнах своего искусства. Словно дело было вовсе не в нем самом.

— А как они у тебя оказались?

— Взял у него из чемодана, когда его не было в камере.

— Тогда о чем же ты с ним разговаривал? — спросил я.

— Да почти ни о чем. Учил его играть в шахматы.

— Ну ладно.— Я поневоле примирился с этими уклончивыми ответами, хоть и не очень им верил. — Уж одно-то ты наверняка сделал. Уговорил надеть костюм и белую рубашку, которые совсем его преобразили.

— Нет, не уговорил. Я попросил Бетт Морни, и она все устроила.

— Каким образом?

— Просто попросила сержанта Коллинза, чтобы он зашел ночью в камеру, когда Джули уснет, и забрал его старую одежду, и Коллинз согласился.

Я поверил. Разве Коллинз или кто другой мог устоять перед нашей Бетт, даже если надо было унести одежду заключенного и выставить его перед судом нагого, незащищенного — в хорошем синем костюме и белой рубашке с открытым воротом?

В том, как отец вел дело, была еще тысяча неясностей, о которых я пытался его расспросить. На некоторые мои вопросы он отвечал, от других отмахнулся. Но на один вопрос, который мучил меня больше всего и который я задавал снова и снова, он ни почем не желал отвечать. Вправду ли он верил, что доктор Хоумз — отец Джули? Всерьез ли об этом спрашивал? Или то был риторический вопрос? Отец уклонился от ответа, и после я еще не раз задумывался, но ответа так и не нашел. В одном только я убежден: Джули — дитя насилия, а его мать — безвинная и запуганная жертва своего телесного совершенства. Так неотразимо прелестна она, что еще и сейчас, стоит мне увидеть женщину, хоть отдаленно на нее похожую, я вновь ощущаю то теплое, матерински нежное объятие. Никогда ничьи объятия не вызывали у меня такого чувства, ни одно прикосновение не рождало таких невинных и дивных надежд.

Итак, Джули вышел на свободу, и предстоял лишь последний акт его трагедии. Через два дня после суда я пошел его проведать. Дом теперь превратился в пустую, безмолвную скорлупу. Все звуки в нем замерли, и когда я спросил мисс Майл, встретившую меня на пороге кухни, где Джули, она уныло посмотрела на меня и печально, безо всякой радости ответила:

— Вон там, у поленницы, Кит.

Я прошел по песчаной дорожке к поленнице, там в старом мусоросжигателе яростно пылал огонь, тот же самый огонь, что некогда поглотил радостную жертву — библиотеку отца мисс Майл, а потом и белоклавишный аккордеон Джули.

— Что ты делаешь, черт возьми? — спросил я, подойдя.

— Ничего,— отрешенно, на прежний лад ответил Джули.

И я увидел: он сжигает старые тетради, в которых записана несыгранная, неуслышанная, никому не ведомая музыка нашего нерожденного Моцарта. Если б я мог выхватить из огня хоть несколько листков, если б мог подраться с ним, чтобы спасти их, я сделал бы это. Но я опоздал, опоздал всего на каких-нибудь несколько секунд. Когда я понял, что происходит, пылала уже последняя из доброй полусотни тетрадей. Ничего я не мог сделать, я понимал: у меня на глазах кончается подлинная жизнь Джули, чувствовал, что странным образом чудовищно виноват в этом его самосожжении. Спасая его от виселицы, грубо выставив на всеобщее обозрение его сокровенную тайну и его непостижимый талант, мы убили гения, который не успел еще родиться. Грязной рукой коснулись того, чего касаться нельзя.

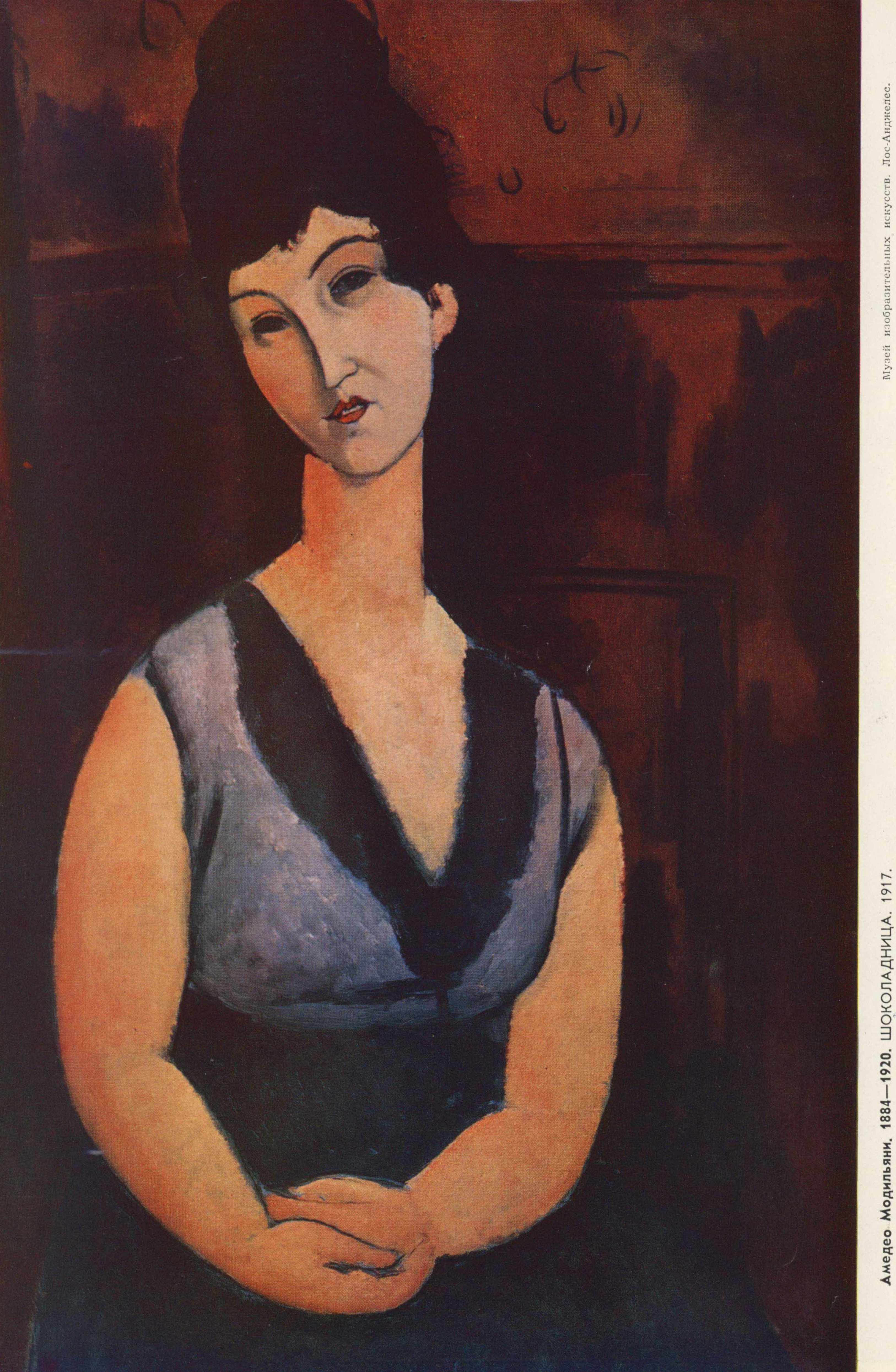
Я ничего не сказал, и минут пятнадцать мы в молчании сидели на колоде. Но я знал: в эти минуты Джули вычеркивал меня из своей жизни так же решительно, как уже вычеркнул из нее себя самого. И мне осталось только молча встать и уйти.

Примерно через год, когда я уже уехал из родного города, сестра написала мне, что Джули с Бетт Морни поженились. Потом, перед самой войной, я на один день приехал в Сент-Хелен и тогда увидел Джули в последний раз. Он стоял в мясной лавке мистера Морни, в полосатом фартуке, с большим ножом в тонких, изящных руках. Сквозь запотевшую витрину я видел, как он отсекал кусок говядины. Меня передернуло, я закрыл глаза: ведь Джули безнадежно неловок,— рано или поздно он наверняка отхватит себе пальцы.

Дальнейшее — если дальше что-то и было — не стоит того, чтобы о нем рассказывать.

Пьер Огюст Ренуар. 1841—1919. СИДЯЩАЯ КУПАЛЬЩИЦА. Ок. 1903—1906.

Детройтский институт искусств. Детройт.

Амедео Модильяни. 1884—1920. ШОКОЛАДНИЦА. 1917.

Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

Фото А. Гостева

ВЫСТАВКА Д. А. НАЛБАНДЯНА

В Москве в залах Академии художеств СССР открыта выставка произведений народного художника СССР, Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии художеств СССР Дмитрия Аркадьевича Налбандяна. В экспозиции представлены картины на историко-революционную тему, и среди них широко известные работы, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина. Зрители знакомятся с портретами, ярко и точно рисующими образы наших современников, с напоенными солнцем и светом пейзажами родной художнику Армении, Крыма, Италии, Индии, красочными натюрмортами, этюдами и рисунками, созданными во время зарубежных поездок, а также с новыми полотнами живописца, такими, как «Вернатун» (групповой портрет выдающихся армянских просветителей), «А. М. Горький у И. Е. Репина в Пенатах», и многими другими.

КНИГА О ЕГИПТЕ

«Который час в Каире?» — книга о том, чем живет Египет — страна одной из древнейших цивилизаций мира, крупнейшее арабское государство, земля бурного прошлого и не менее бурного настоящего. Советский журналист-международник Виктор Кудрявцев живо и увлекательно рассказывает об истории и буднях Арабской Республики Египет. Перед нами проходит эпоха фараонов и ее величественные памятники, средневековый Египет, его выдающиеся военачальники и поэты, Ближний Восток в период империалистической экспансии, раны от которой не затянулись по сей день, дни героического сопротивления израильской агрессии. И, наконец,— без этого книга во многом была бы просто путевыми заметками — автор предлагает читателям глубокий анализ событий новейшего времени, свидетелем которых он был сам. Виктор Кудрявцев, проработавший в АРЕ несколько лет в качестве корреспондента Центрального телевидения и Всесоюзного радио, видел многое. На его глазах создавалось энергетическое сердце долины Нила — Асуанский комплекс, заработал Хелуанский металлургический комбинат, он видел, как покрывались ржавчиной корабли в Суэцком канале, перерезанном в результате израильской агрессии, побывал на 101-м километре шоссе Каир — Суэц — промежуточной зоне разграничения египетских и израильских войск, видел страдания и героизм простых египтян.

Виктор Кудрявцев не дописал свою книгу. Жизнь известного журналиста-международника оборвалась в июле прошлого года. Поэтому рассказ о Египте завершается «октябрьской войной» 1973 года. В книге много говорится и о бескорыстной помощи Советского Союза египетскому народу в дни войны и мира, убедительно подтверждается правота Гамаля Абдель Насера, сказавшего в свое время: «Если бы не искреннее серьезное сотрудничество с СССР, наши планы на будущее оставались бы мечтами, которые нельзя было бы воплотить в жизнь».

А. КИРИЛЛОВ

В. Д. Кудрявцев. Который час в Каире? М., «Наука», 1976, 200 стр.

ОЖИВШИЕ ОБРАЗЫ «РУСАЛКИ»

Почему и чем волнует старая опера нынешнего зрителя? Казалось бы, так далеки от нас ее события, образы!.. Нет надобности пересказывать содержание «Русалки», где тесно переплелись живые, реальные сцены подлинной народной жизни и фантастические картины народных сказок с их неизменным устремлением к любви, верности и чести. Но этим-то и привлекает «Русалка» сегодня. Этим и был вызван восторженный прием нынешнего спектакля, поставленного заслуженным артистом РСФСР Н. Никифоровым на сцене Большого театра (предыдущая постановка была осуществлена на сцене Большого театра в 1962 году Г. Ансимовым).

Звучит веселая быстрая музыка. Народный артист СССР А. Ведерников в роли Мельника наставляет свою дочь Наташу (заслуженная артистка РСФСР Н. Фомина): «Ох, то-то все вы, девки молодые,— все глупы вы»... Но вот характер музыки изменился, она грустнеет, передавая заботу, подозрения Мельника: слишком уж долго Князь не приезжает к Наташе. Но сама-то Наташа еще спокойна. Тонкий психолог, А. Даргомыжский в музыке дает нам почувствовать эволюцию характера героини: вот она волнуется — ждет Князя, вот радуется его приезду, вот нарастает волнение: что-то недоброе хочет сказать ей Князь. И момент наивысшей психологической напряженности: «Ты женишься! Ты женишься!..» В оркестр мощно вступают духовые инструменты, передающие потрясение, взрыв в душе Наташи; не в силах перенести игрою, она гибнет. Второй акт. На свадебном пиру Князя — веселье, разудалая музыка, игры, пляски и хороводы, яркий свет. Костюмы гостей блестят россыпью самоцветов. Но вот замирают звуки оркестра; сцена залита лунным сиянием; негромко звучат гусли, передавая грустный плеск волн; слышится песня Наташи: «По камушкам, по желтому песочку...» — жалобная, протяжная, словно вышедшая из глубин народной жизни. Хор девушек отрывистыми фразами передает общее беспокойство, да и молодая Княгиня не весела.

Красивый, глубокий голос Т. Синявской, народной артистки РСФСР, исполняющей партию Княгини, тоже полон любви и грусти. Ее героиню тоже мучают печальные предчувствия — и они сбудутся. Трагичен третий акт на берегу Днепра; арию Князя — его поет стажер Большого театра Л. Кузнецов — «Невольно к этим грустным берегам...», так же, как дуэт Мельника и Князя, насыщены драматизмом. В партии Мельника — горе и ненависть, любовь и страдание; Князь же — олицетворение раскаяния. И вот Русалка-Наташа — она теперь Царица Русалок — посылает свою дочь, маленькую Русалочку, на берег: пусть приведет к ней своего отца, заманит Князя в воды Днепра...

В заключительном квартете Князя, Княгини, Ольги и Русалки-Наташи достигают кульминации и гениальная музыка русского композитора и самый спектакль. Тончайшие мысли оперы насыщены здесь полнотою чувств. Здесь сплетено воедино все, чем полна душа героев. И что с такой великой благодарностью воспринимают зрители.

А. ЗВЯГИНА

Мельник — А. Ведерников.

Фото Г. Соловьева

В БОЯХ

А. П. БЕЛОБОРОДОВ, генерал армии, дважды Герой Советского Союза

Генерал А. П. Белобородов. Фото 1941 года.

В памяти советских людей старшего поколения навсегда останутся полные острой тревоги и предельного боевого напряжения октябрьские, ноябрьские и декабрьские дни 1941 года. Тогда весь мир, затаив дыхание, следил за титанической битвой, развернувшейся на подступах к Москве.

Связывая с осенним наступлением судьбу всей войны, немецкое командование стянуло на подступах к Москве огромное количество сил и боевой техники. На 1 октября группа армий «Центр» имела в своем составе 1 800 тысяч человек, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 1 700 танков. Для поддержки решающего наступления выделялось около 1 390 самолетов. С передовыми армейскими частями в столицу должна была ворваться специально созданная команда полиции безопасности и СД «Москва». Ей ставилась задача — захватить здания руководящих партийных и советских органов, арестовать видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, учинить расправу над партийным и советским активом.

Операция по захвату Москвы получила кодовое название «Тайфун», она началась 30 сентября. Используя свое численное превосходство, особенно в танках, немецко-фашистские войска, преодолевая нашу оборону, стали продвигаться вперед: 3 октября они заняли Орел, 6 октября — Брянск, 7 октября — Вязьму. Немцы приближались к Можайску.

Советская столица стала прифронтовым городом, арсеналом Западного фронта. В тот грозный час Москва олицетворяла все усилия Родины в ее борьбе с фашистскими захватчиками. Каждый советский человек понимал, что отстоять Москву значит победить.

В течение нескольких дней в Москве было сформировано 25 отдельных коммунистических и рабочих рот и батальонов, состоящих на три четверти из коммунистов и комсомольцев. Только за первую половину октября на фронт пришло дополнительно 50 тысяч москвичей. Это пополнение войск людьми крепкой рабочей и партийной закалки поднимало боевой дух, повышало стойкость. По призыву партии 450 тысяч человек, главным образом женщины, вышли на строительство оборонительных рубежей на подступах к Москве и в самом городе. В три смены работали предприятия, обеспечивая защитников столицы оружием и боеприпасами.

В эти грозные дни 78-я стрелковая сибирская дивизия, которой мне довелось командовать, прибыла с Дальнего Востока и вошла в состав 16-й армии генерала Рокоссовского, оборонявшей Москву на Волоколамском направлении. Позднее в своих воспоминаниях Рокоссовский писал: «Обрадовала нас прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия... Состояла она преимущественно из сибиряков, а среди наших прекрасных солдат сибиряки всегда отличались особой стойкостью; была полностью укомплектована и снабжена всем положенным по штатам военного времени. Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск!.. Сибиряки шли на врага во весь рост. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, опрокинут, отброшен».

И я, конечно, до сих пор отчетливо помню тот боевой экзамен нашей дивизии. Она сосредоточилась в лесах западнее и юго-западнее Истры, по обеим сторонам железной дороги и Волоколамского шоссе. Первым за родную землю вступил в бой 258-й стрелковый полк, которым командовал подполковник М. А. Суханов, а комиссаром был батальонный комиссар Д. С. Кондратенко.

Наш противник — дивизия СС «Рейх» прикрывала шоссейную дорогу, укрепилась на западном берегу реки Озерны, сосредоточив здесь много артиллерии и минометов. И, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, мы вброд форсировали реку и стремительным ударом выбили его из деревни Михайловское и села Федчина. Задание командования было выполнено.

С того памятного дня 78-я стрелковая дивизия уже не выходила из кровопролитных ожесточенных боев. Мы не только оборонялись, но и ходили в контратаки, приобрели боевой опыт. Убедились, что «непобедимые» фашистские войска можно крепко бить и обращать в бегство.

Но пока отступали все-таки мы. Враг имел значительный перевес в силах. Против сибиряков действовали части 252-й пехотной, 10-й танковой дивизий и моторизованной дивизии «Рейх». Они продвинулись на наших флангах на 15—17 километров, а 5-я танковая дивизия гитлеровцев угрожала нам полным окружением. Тут получили приказ отойти на новый рубеж.

Горькие это были минуты, но бойцы и командиры не переставали верить в победу. Именно тогда, в трудные ноябрьские бои, сотни воинов дивизии подали заявление о приеме в партию и комсомол. «Если погибну, считайте меня коммунистом»,— писали патриоты.

Ежедневно и ежечасно на фронте мы чувствовали поддержку всего советского народа. К нам приезжали делегации трудящихся столицы и братских республик, артисты, журналисты, литераторы. Не могу не вспомнить поэта Алексея Суркова. Прибыв в дивизию, он проехал в штаб нашего 258-го стрелкового полка, в деревню Кашино. И тут немецкие танки, пройдя лощиной у деревни Дарны, отрезали КП полка от батальонов. Сурков вместе с работниками штаба и взводом охраны с боем вышел из окружения. Под впечатлением этого дня он написал стихотворение «Бьется в тесной печурке огонь...», которое стало знаменитой песней. Ее тогда пели на фронте от Севастополя до Заполярья. И мы очень гордились, да я и сейчас горжусь тем, что эта песня была написана в расположении нашей дивизии, на переднем крае.

В конце ноября 78-я стрелковая дивизия стала 9-й гвардейской. За 20 дней генерального наступления немцев на Москву дивизия отдала врагу 40 километров Волоколамского шоссе, упорно сопротивляясь, ни разу не отойдя без приказа, уничтожая атакующих немцев, отбивая артиллерией, противотанковыми ружьями, зажигательными бутылками удары танковых колонн, переходя в контратаки, уступая километры, но выигрывая дни, приближая неотвратимый час, когда противник выдохнется, когда иссякнет его наступательный порыв.

До сих пор не могу без волнения вспомнить день вручения дивизии гвардейского знамени. Тогда в заснеженном лесу мы дали гвардейскую клятву:

— Клянемся своими жизнями, кровью наших погибших товарищей, крепким словом партийных и непартийных большевиков, что это священное для нас знамя мы твердо и победоносно пронесем через все битвы с врагом до полного уничтожения немецких оккупантов.

А бои продолжались с прежним ожесточением. Мы держали оборону недалеко от города Дедовска, всего в 40 километрах от Москвы, но уже по многим признакам чувствовалось, что наступательный порыв гитлеровцев иссякает. И об этом прежде всего говорило поведение пленных. Немецкие солдаты перестали верить, что возьмут Москву. Помню, когда ко мне пришел директор местной текстильной фабрики и спросил, каким сроком он располагает для эвакуации оборудования, я ответил: «Оставляйте станки на месте. Дальше мы не отойдем».

И верно. С этого рубежа в декабрьские дни сорок первого года началось наше контрнаступление, наш победный путь на запад. В тяжелых оборонительных боях было выиграно драгоценное время для сосредоточения под Москвой свежих сил. 16-я армия должна была начать наступление 7 декабря в общем направлении на Истру.

Этот памятный навсегда день я встретил в 131-м полку на наблюдательном пункте. Он находился на той самой фабрике в Дедовске, оборудование которой собирался эвакуировать заботливый директор. Здесь были и мой комиссар, полковой комиссар М. В. Бронников, начальник оперативного отделения подполковник А. И. Витевский, начальник разведки майор А. А. Тычинин, начальник артиллерии подполковник Н. Д. Погорелов и начальник связи В. М. Герасимов, словом, все, кому предстояло управлять боем.

Гитлеровские генералы, разбитые под Москвой, свое поражение объясняют суровой русской зимой. А разве советские войска действовали против них в южном климате?! Вот, например, как нам пришлось брать населенный пункт Рождествено, куда с первых часов наступления переместился центр боя. Помню: лютый мороз, солнце в дымке, словно масляное пятно, белая равнина и по ней по пояс в снегу наступает наша матушка-пехота. Противник не дремлет. Его артиллерия, танки, вкопанные в землю, минометы и пулеметы остервенело бьют. А на белоснежной скатерти негде укрыться. Одно спасение — вперед. И солдаты с железным упорством наступают. Возле нашего наблюдательного пункта разорвался снаряд. Когда пришел в себя, я снова взглянул на поле боя. Пехоты на нем уже не было. Она дралась в Рождествене.

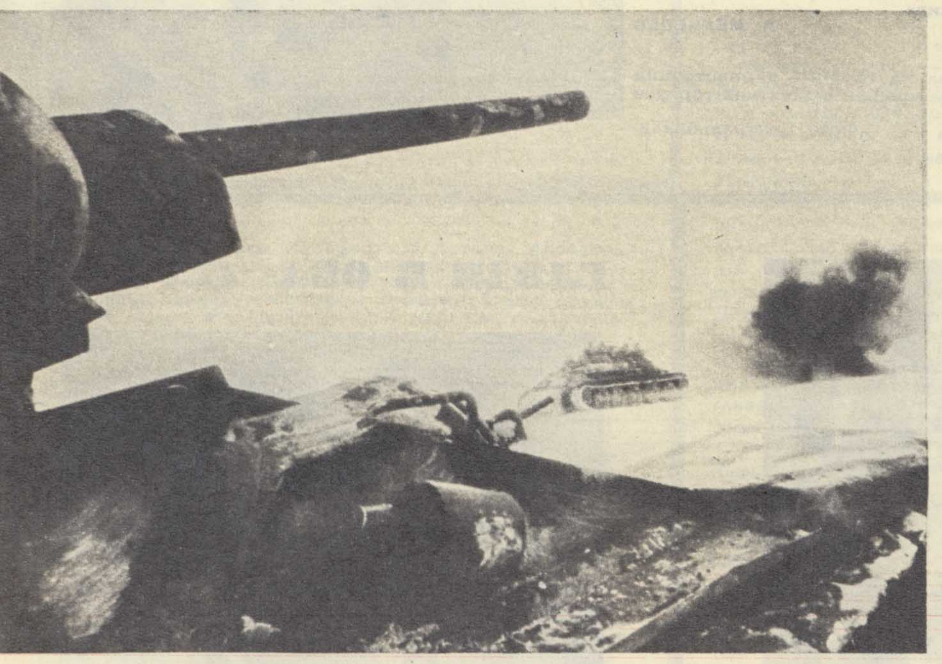
Ведя упорные, напряженные бои, части дивизии заняли и Труховку, станцию Снигири, Рождествено. А утром 11 декабря батальон лейтенанта Ш. Х. Юсупова первым вошел в Истру, выбивая остатки противника. С другой стороны в город вошел батальон И. Н. Романова. Враг бежал так поспешно, что не успел захватить награбленное добро и штабные документы. В освобождении Истры вместе с нашей дивизией участвовали части 18-й стрелковой дивизии и 17-й танковой бригады.

Успех контрнаступления советских войск в декабре на центральном стратегическом направлении имел огромное значение. Немецкая группа армий «Центр» потерпела тяжелое поражение и отступила. Примечательно, что Советская Армия сделала это, не имея превосходства в силах, и перешла в контрнаступление без паузы.

Бессмертный подвиг, совершенный в сражениях под Москвой нашей армией, всем советским народом, руководимым Коммунистической партией, живет и будет жить вечно в благодарной памяти людей.

На защиту Москвы. Ноябрь 1941 года. Фото С. Струнникова.

Советские танки атакуют. Декабрь 1941-го. Фото А. Устинова.

Бойцы батальона капитана Привородкина занимают населенный пункт. Фото М. Савина.

ЗА МОСКВУ

Оставлено под Москвой... Фото М. Савина.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Не так давно со страниц западногерманских газет не сходило имя Руди Редера. Машинист локомотива с двенадцатилетним стажем был одной из первых жертв так называемого запрета на профессии. Его принадлежность к Германской коммунистической партии никоим образом не отражалась на графике движения поездов. И тем не менее машинист Редер был уволен только за то, что он коммунист. Учитель Рольф Эйкмайер коммунистом не был. Он потерял работу из-за поездки в ГДР. И, наконец, достоянием гласности стал циркуляр, разосланный по школам Рурской области. Директорам предписывалось докладывать обо всех известных им членах пионерской организации ГКП.

Три примера из многих сотен иллюстрируют действие принятого бундестагом ФРГ «закона о радикальных элементах», преграждающего путь не только коммунистам, но и всем прогрессивно мыслящим людям ко многим профессиям, к обширной области человеческой деятельности. Полиция и «ведомство по охране конституции» получили практически неограниченные полномочия в борьбе с так называемыми радикалами. Ныне известно не менее двух тысяч случаев применения вышеназванного закона, а число лиц, подвергшихся проверке, приблизилось к 850 тысячам. Ставшая случайно известной директива об установлении слежки уже в младших школьных классах вызвала в Федеративной Республике взрыв негодования. «Вопреки всем политическим заверениям,— свидетельствует газета «Вестфелише рундшау»,— истерия вокруг пресловутых радикалов принимает, судя по всему, все более ужасающие размеры».

Совсем недавно, во время выборов в бундестаг, руководители социал-демократов, встревоженные протестами за рубежом и не в последнюю очередь со стороны родственных партий в странах Западной Европы, заявляли, будто с «запретом на профессии» все покончено. Новое сообщение подтвердило факты продолжения преследования инакомыслящих не только в тех землях ФРГ, где правят ХДС или ХСС, но и там, где у власти стоят социал-демократы.

В эти дни по всей Западной Германии прошли мощные демонстрации протеста против грубого посягательства на демократические свободы, против нарушения прав человека, гарантии которых записаны в Основном законе ФРГ. И как подчеркнул в интервью газете «Унзере цайт» один из организаторов кампании, Гельмут Штейн, в рядах демонстрантов были не только коммунисты. «Позорному запрету на профессии,— сказал он,— сможет преградить дорогу только широкий союз всех демократических сил».

А. МЕДВЕДЕВ

«Мы требуем права на труд!» — демонстрации под таким лозунгом прошли в десятках городов ФРГ.

Фото Центральбильдт

МАТЕРИ ПРОТИВ ВОЙНЫ

«Вначале их было несколько сот, сейчас — двести тысяч...» — так начинается репортаж французского журналиста Доминика Лямперера о женщинах Северной Ирландии, объявивших войну войне.

...В один из августовских дней Анна Магуайр из Белфаста потеряла троих детей: полуторамесячного Джона, восьмилетнюю Джоан и одиннадцатилетнего Эндрью. Все трое погибли в католическом квартале Андерсонстаун под колесами автомобиля, обстрелянного «на всякий случай» британским военным патрулем и потерявшего управление.

В тот же день узнавшая об этой драме мать двоих детей Бетти Вильямс приняла решение. «Мои дети еще живы,— заявила она корреспонденту «Пари-матч»,— но можно ли быть уверенной, что с ними ничего не случится? Мы должны бороться за счастье наших сыновей и дочерей».

Так по инициативе Бетти Вильямс и Мэйрид Корриган — сестры Анны Магуайр возникло движение ольстерских женщин «Мирные люди». Участницы этого необычного для Северной Ирландии движения — оно объединяет и католичек и протестанток — требуют прекращения насилий и убийств, поджогов и взрывов, унесших более двух тысяч жизней, разрушивших целые кварталы и дезорганизовавших экономику страны.

«Никто из детей моложе 14 лет,— писала лондонская «Санди таймс»,— не помнит, что такое спокойствие и мир. Уходя из дома, родители принимают всевозможные меры предосторожности, запирают двери на два замка, оставляют детям номера своих телефонов на тот случай, если что-нибудь произойдет... В Белфасте легко впасть в состояние мрачного уныния».

Как же решает проблему официальный Лондон? Только силой оружия. Недавно принято законодательство, направленное на расширение полномочий полиции и армии, увеличение их численности. Тем самым подтвержден прежний курс, в котором делается ставка на продолжение карательных мер, главным образом против демократического движения борцов за гражданские права. А это не может не поощрить к дальнейшим действиям ольстерскую реакцию и военизированные организации протестантских ультра.

Именно в этой обстановке выступили женщины многострадального Ольстера. И движение их растет. 25 тысяч католичек и протестанток участвовали в демонстрации в Белфасте. Внушительные демонстрации, организованные движением, прошли в Лондондерри, Антриме и других городах. Объявившие войну войне матери Северной Ирландии полны решимости победить насилие и добиться мира для своих детей.

А. КОСТРОМИН

Траурная процессия на улицах Белфаста.
Фото из журнала «Пари-матч»

ГЛЯДИ В ОБА

Буржуазная пресса не скупилась на краски, описывая эту «дружную супружескую пару». Еще бы! Заботливая, красивая жена повсюду сопровождает инвалидную коляску своего му-

АМЕРИКА В СОКОЛЬНИКАХ

В московском парке «Сокольники» работает национальная выставка, посвященная 200-летию Соединенных Штатов Америки. Она призвана содействовать расширению взаимопонимания между народами США и СССР, укреплению культурных связей.

В будущем году в США состоится советская выставка, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В одном из залов выставки.

Фото И. Гаврилова

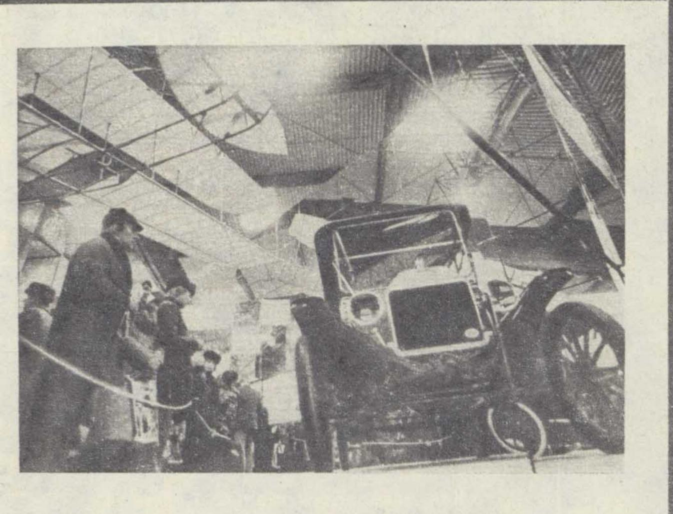
жа, небезызвестного губернатора штата Алабама Джорджа Уоллеса, махрового антикоммуниста и расиста. По словам Корнелии, ее «личная жизнь с Джорджем овеяна любовью и тесными узами дружбы». И вдруг эта идиллическая картина оказалась вдребезги разбитой.

В спальне Джорджа Уоллеса обнаруживают скрытую проводку к его телефону, которая ведет в подвальное помещение, где находят записывающее устройство. Вызванные сыщики перевернули все вверх дном в губернаторском доме в поисках злоумышленника и нашли... в личном сейфе Корнелии 200 магнитофонных пленок, на которых в течение года записывались телефонные разговоры ее мужа. Припертая к стенке, она созналась в содеянном и заявила, что решила прослушивать разговоры мужа, как только узнала, что Джордж установил за ней слежку.

Корнелия, честолюбивая и энергичная женщина, намеревается выдвинуть свою кандидатуру в 1978 году вместо мужа — губернатора Алабамы, так как, согласно закону, Джордж Уоллес не сможет вновь занять этот пост. Но ее честолюбивые планы шли вразрез с планами самого Уоллеса, который в 1978 году собирается претендовать на кресло в сенате США. Нашла коса на камень. Вот и началась вся эта свистопляска с обоюдной слежкой. Каждый хотел найти компрометирующие материалы своей половины.

В американском обществе система сыска и подслушивания приобрела поистине колоссальные размеры. На этой ниве трудятся тысячи тайных агентов американских секретных служб и огромная армия частных детективов.

В. ДУНАЕВ
Фото из журнала «Тайм»

Метехский театр

Ия МЕСХИ — **Фото Э. ЭТТИНГЕРА**

Метехский театр — так называют его в городе. Официальное же название: Государственный молодежный драматический театр-студия. И хотя возраст его младенческий — всего два года,— в городе у него есть свои собственные афишные тумбы, а у служителей метехской Мельпомены — свои собственные нагрудные значки со столь знакомым тбилисцам силуэтом Метехского храма над рекой.

В каком же смысле изображен на значке храм? Как храм искусств? Может быть, и так. Даже наверняка так — в помыслах. Ну, а если не в переносном, а в прямом значении слова, то Метехский театр в самом деле храм. История этого храма и всего того, что вокруг него, такая бурная и разнообразная, что надо об этом сказать.

Сначала на этот высокий скалистый берег Куры приезжал со своей свитой царь Грузии Вахтанг Горгасали. То было в четыреста каких-то годах. Вокруг стояли густые леса. Хорошая охота. Рядом — горячие, целебные источники. Сюда была перенесена столица Грузии. На скале возник царский дворец со всеми аксессуарами (крепость, церковь). Во время монгольского нашествия церковь погибла, но в XIII веке на том же месте был за 9 лет построен храм. Первому камню, заложенному в основание, исполняется в наши дни 700 лет. Храм неоднократно подвергался разрушениям, но стоял прочно. В середине XVIII века у его стен шли кровопролитные бои. Спустя столетие крепость рядом с храмом была переделана в тюрьму, куда жандармы заточали борцов с самодержавием; здесь убили Ладо Кецховели, тут сидели Максим Горький, Камо...

Последние два десятка лет в храме работал известный тбилисский скульптор Э. Амашукели. Он здесь сработал модель статуи основателя Тбилиси: бронзовый Вахтанг Горгасали стал на нижней скальной площадке перед храмом.

Тюрьму снесли, и скульптор Амашукели принялся за памятник художнику Нико Пиросмани и уже заканчивал эту работу, когда в храм явились пятнадцать молодых людей; они сказали, что город отдает это здание под театр, а театр — это они и есть.

Началась работа, тоннами выгребали мусор веков, чистили, рыли траншеи для коммуникаций. И все сами. Но не только. Около двухсот различных городских организаций принимали участие в устройстве театра. Молодежь одного завода создала конструкцию для освещения, молодежь другого отковала цепи, третьего — сделала деревянные панели в гардеробной (театр начинается с вешалки!). Из фондов, накопленных студенческими трудовыми отрядами, ЦК ВЛКСМ выделил для театра некоторую сумму денег. И, конечно, всячески помогал комсомол республики, у которого, собственно, и родилась идея создания театра.

Встрепенулись было ученые-искусствоведы: храм-то, как гласит надпись у входа,— памятник архитектуры, охраняется государством! Но молодежь обещала ничего не испортить, не сломать... В самом деле, не только внешне, но и внутри все осталось, как было: та же старинная кирпичная кладка, кое-где следы огня; под высоким куполом — узкие проемы окон. Только с трех сторон появились амфитеатром удобные деревянные кресла, а с четвертой — невысокий помост. В зале располагаются в креслах 120 зрителей.

Когда после шумных, ярких тбилисских улиц войдешь в этот мир спокойных, величавых пропорций и мягких подсветок да еще отыщешь себе уютное местечко у стены, очень хочется скорее остаться с актерами один на один. И это желание сосредоточенности, кстати, взаимное. Потому что Метехский молодежный театр, как ни парадоксально,— тихий театр. Не по звучанию тихий, а по отсутствию всяких театральных эффектов. Есть актер: ему вменяется захватить в плен зрителя своим словом, состоянием, мимикой, пластикой...

Главный режиссер театра и молодой драматург Сандро Мревлишвили так и говорит:

— У нас примат актера. Полное доверие его возможностям. Если хотите, это наше кредо.

Сандро, воспитанник Ленинградского театрального института, играл в тбилисских театрах, преподавал в классе мастерства и режиссуры Тбилисского театрального института. С этого класса все и пошло. В 1973 году он поставил с третьекурсниками свою пьесу (семь новелл) «Люди, гляньте на лозу!». Тема современная, актуальная. Студенческий спектакль прозвучал; его играли на площадках больших театров. На четвертом курсе тот же состав поставил «Гамлета». Так эти первые пятнадцать человек и создали новый театр.

Правда, ему еще трудно с репертуаром: ставили «Клопа» В. Маяковского, «Катастрофу» Д. Клдиашвили, инсценировали роман Н. Островского «Как закалялась сталь»; готовятся выпустить «Хронику будней» молодого драматурга А. Чхиквишвили, документальную драму из жизни и деятельности Ладо Кецховели, «Оглянись во гневе» Джона Осборна. И все же «своя» тематика еще не совсем найдена. Да и состав труппы быстротекущий, как воды реки под храмом. Ибо это театр-студия, созданный и с целью послеинститутского тренажа.

Но театр ищет. Время от времени он выходит из своих таинственных стен и показывает спектакли при стечении публики прямо в городских парках, на «пятачках». А недавно побывали в Польской Народной Республике. И уже приглашены в Москву...

Но в Метехи существует не только театр, а еще и Центр творческой молодежи при ЦК комсомола республики. Директор театра

Гайоз Канделаки — директор этого центра. Председателем же совета центра является писатель Тенгиз Буачидзе.

В центр приходят поэты почитать свои стихи; молодые музыкальные коллективы показывают свои новые работы. У стен Метехи, на речном берегу, предполагается устроить много разнообразных молодежных выступлений. Театр еще получил решением горисполкома старинный двухэтажный дом над Курой. По проекту этот дом станет входом в

Главный режиссер Сандро Мревлишвили.

театр. Отсюда публика будет проходить под землей, по бывшим, ныне засыпанным землей, глубоким тюремным казематам, которые превратятся в сверкающие театральные вестибюли, прямо в метехский «зрительный зал». В вестибюлях будут устроены выставки, микротеатры одного актера и т. д.

Как хорошо, что творческая молодежь дала новую гармоничную жизнь этому замечательному уголку древнего и вечно молодого Тбилиси.

◀

«Как закалялась сталь». Т. Датунашвили — Тоня и З. Цинцкиладзе в роли Павла.

Сцена из спектакля.

«Люди, гляньте на лозу!»

Л. Алимбарашвили в спектакле «Катастрофа».

Спектакль «Борцы».

Подготовка декораций.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Московском Доме журналистов состоялась традиционная встреча редакции с читателями «Огонька».

Главный редактор журнала А. В. Софронов рассказал собравшимся о творческих планах редакции на 1977 год, представил авторов журнала и огоньковцев.

О своей поездке в Анголу рассказал редактор международного отдела Ю. Попов. Тепло встретили собравшиеся выступление народного художника СССР Д. Налбандяна, народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой, поэтов В. Сидорова и Ф. Чуева. Сотрудник «Огонька» В. Енишерлов рассказал о литературных публикациях в журнале.

Фотожурналист Геннадий Копосов показал свои фотографии, сделанные на подшефной стройке «Огонька» — КамАЗе. Главный художник И. Долгополов познакомил с работой отдела оформления, представил собравшимся молодую художницу Е. Романову, которая привезла на встречу свои новые работы. Тепло было встречено выступление известного писателя-юмориста Б. Ласкина.

В заключение выступили композитор Вадим Гамалия с певцами В. Мулерманом и Г. Ненашевой. Новые песни показал композитор заслуженный артист РСФСР Григорий Пономаренко. Его песни исполнила певица В. Журавлева.

Во встрече приняли участие сотрудники редакции: члены редколлегии В. Белецкая, Д. Иванов, Л. Леров, Ю. Новиков, зав. отделом массовой работы и писем Л. Мурашова.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Начальник изоляционной колонны Тит Александрович Яголович. * Огни Надыма.

Фото Ю. Лушина.

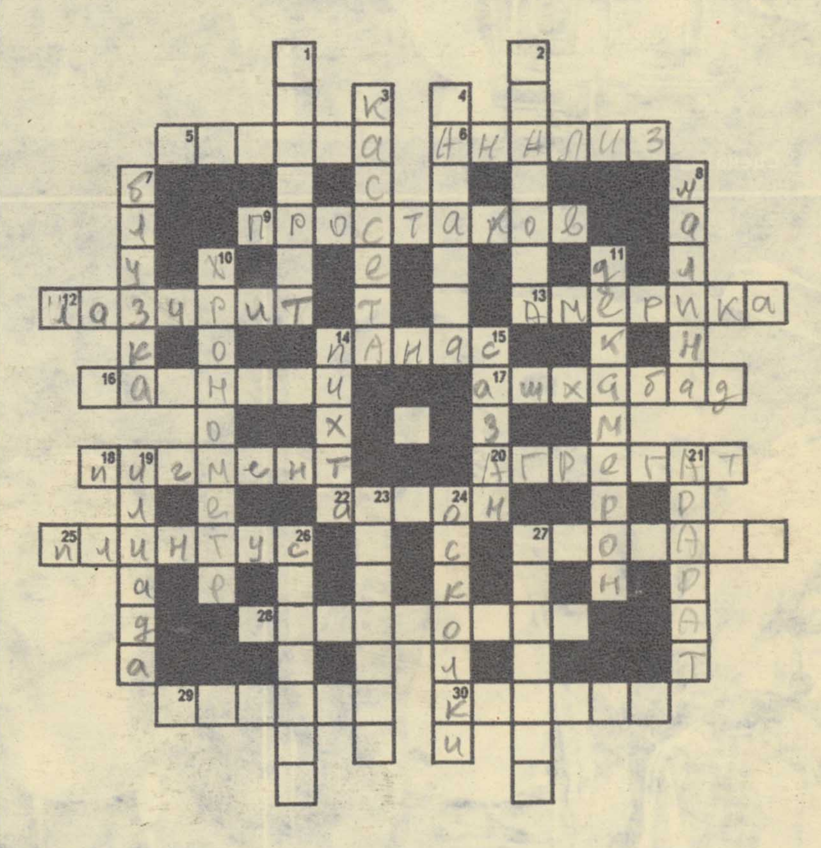
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бакуриани — вотчина горнолыжников.

Фото Н. Козловского.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Литовский писатель. 6. Метод научного исследования. 9. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 12. Минерал синего цвета. 13. Часть света. 14. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством». 16. Пьеса М. Горького. 17. Столица союзной республики. 18. Красящее вещество в тканях организма. 20. Соединение нескольких машин в одно целое. 22. Отрицательно заряженный ион. 25. Планка между стеной и полом. 27. Птица семейства утиных. 28. Наука о строении и жизнедеятельности клеток. 29. Испанский танец. 30. Стихотворная строфа.

По вертикали: 1. Повесть Н. В. Гоголя. 2. Город в Румынии. 3. Футляр для фотографической пленки. 4. Иносказательное выражение. 7. Женская кофточка. 8. Ягода. 10. Точные переносные часы с балансиром. 11. Сборник новелл Д. Боккаччо. 14. Хвойное дерево. 15. Промысловая рыба. 19. Древнегреческая эпическая поэма. 21. Потухший вулкан в Армении. 23. Животное, обитающее в тропиках. 24. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 26. Духовой народный инструмент. 27. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 7. Соболевский. 8. Инстинкт. 9. «Хористка». 11. Нерча. 14. Марина. 18. Слиток. 19. Апофема. 20. Дирижабль. 21. «Подросток». 23. Нейтрон. 25. Сократ. 26. Алатау. 28. Норка. 31. Черномор. 32. Луизиана. 33. Нумизматика.

По вертикали: 1. Околица. 2. Клиника. 3. Возничий. 4. Кошкин. 5. Основа. 6. Пашкевич. 10. Шампиньон. 12. Рефлектор. 13. Волгоград. 15. Арбалет. 16. Маслина. 17. Таможня. 18. Севрюга. 22. Ярошенко. 24. Балансир. 27. Тротуар. 28. Неолит. 29. Алушта. 30. Казаков.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. И. КАЗАКОВА.

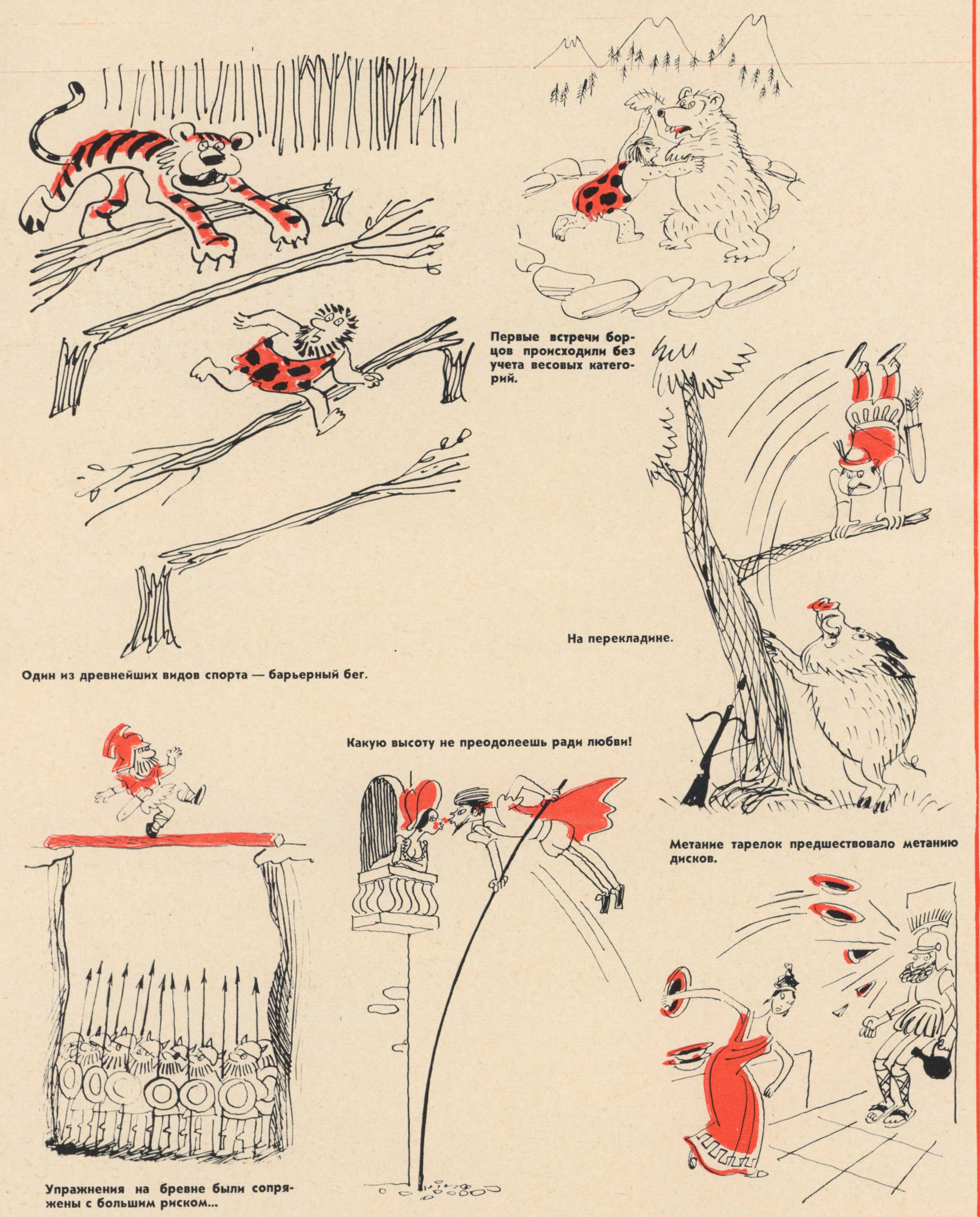
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/XI — 1976 г. А 00746. Подп. к печ. 30/XI — 1976 г. Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2816. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 3022.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

РОЖДЕНИЕ ВИДОВ СПОРТА

Один из древнейших видов спорта — барьерный бег.

Первые встречи борцов происходили без учета весовых категорий.

На перекладине.

Упражнения на бревне были сопряжены с большим риском...

Какую высоту не преодолеешь ради любви!

Метание тарелок предшествовало метанию дисков.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663